

Дмитрий Сергеевич
ЛИХАЧЕВ
1906 – 1999

Дмитрий
ЛИХАЧЕВ

Письма о добром

АЗБУКА

Санкт-Петербург
2013

УДК 17.022.1
ББК 87.774
Л 65

Оформление обложки Валерия Гореликова

Лихачев Д. С.

Л 65 Письма о добром. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 160 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-05877-4

«В читателях моих писем я представляю себе друзей. Письма к друзьям позволяют мне писать просто.

Сперва я пишу о цели и смысле жизни, о красоте поведения, а потом перехожу к красоте окружающего нас мира, к красоте, открывающейся нам в произведениях искусства. Я делаю это потому, что для восприятия красоты окружающего человек сам должен быть душевно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. Попробуйте держать бинокль в дрожащих руках – ничего не увидите» (Д. С. Лихачев).

УДК 17.022.1
ББК 87.774

ISBN 978-5-389-05877-4

© Д. Лихачев (наследники), 2013
© В. Пожидаев, оформление серии, 2012
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Письма к молодым читателям

Каждая беседа пожилого человека с молодыми обрачивается поучением. Положение всегда было таким и, вероятно, всегда таким и останется. Постараюсь быть кратким и сказать лишь о самом для себя главном — как оно мне представляется, поделиться опытом прожитой жизни.

Для своих бесед с читателем я избрал форму писем. Это, конечно, условная форма. В читателях моих писем я представляю себе друзей. Письма к друзьям позволяют мне писать просто.

Почему я расположил свои письма именно так? Сперва я пишу в своих письмах о цели и смысле жизни, о красоте поведения, а потом перехожу к красоте окружающего нас мира, к красоте, открывающейся нам в произведениях искусства. Я делаю это потому, что для восприятия красоты окружающего человек сам должен быть душевно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. Попробуйте держать бинокль в дрожащих руках — ничего не увидите.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Большое в малом

В материальном мире большое не уместить в малом. В сфере же духовных ценностей не так: в малом может уместиться гораздо большее, а если в большом попытаться уместить малое, то большое просто перестанет существовать.

Если есть у человека великая цель, то она должна проявляться во всем — в самом, казалось бы, незначительном. Надо быть честным в незаметном и случайном, тогда только будешь честным и в выполнении своего большого долга. Большая цель охватывает всего человека, сказывается в каждом его поступке, и нельзя думать, что дурными средствами можно достигнуть доброй цели.

Поговорка «цель оправдывает средства» губительна и безнравственна. Это хорошо показал Достоевский в «Преступлении и наказании». Главное действующее лицо этого произведения — Родион Раскольников думал, что, убив отвратительную старушонку-ростовщицу, он добудет деньги, на которые сможет затем достигнуть великих целей и облагодетельствовать человечество, но терпит внутреннее крушение. Цель далека и несбыточна, а преступление реально; оно ужасно и ничем не может быть оправдано. Стремиться к высокой цели низкими средствами нельзя. Надо быть одинаково честным как в большом, так и в малом.

Общее правило: блюсти большое в малом — нужно, в частности, и в науке. Научная истина дороже всего, и ей надо следовать во всех деталях научного исследования и в жизни ученого. Если же стремиться в науке к «мелким» целям — к доказательству «силой», вопреки фактам, к эффективности результатов или к любым формам самопродвижения, — то ученый неизбежно терпит крах. Может быть, не сразу, но в конечном счете! Когда начинаются преувеличения полученных результатов исследования или даже мелкие подтасовки фактов и научная истина оттесняется на второй план, наука перестает существовать, и сам ученый рано или поздно перестает быть ученым.

Соблюдать большое в малом надо во всем решительно. Тогда все легко и просто.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Молодость — вся жизнь

Когда я учился в школе, а потом в университете, мне казалось, что моя «взрослая жизнь» будет в какой-то совершенно иной обстановке, как бы в ином мире, и меня будут окружать совсем другие люди. От настоящего не останется ничего... А на самом деле оказалось все иначе. Мои сверстники остались со мной. Не все, конечно: многих унесла смерть. И все же друзья молодости оказались самыми верными, всегдашними. Круг знакомых возрос необычайно, но настоящие друзья — старые. Подлинные друзья приобретаются в молодости. Я помню, что и у моей матери настоящими друзьями остались только ее подруги по гимназии. У отца друзья были его сокурсники по институту. И сколько я ни наблюдал, открытость к друз-

бе постепенно снижается с возрастом. Молодость — это время сближения. И об этом следует помнить и друзей беречь, ибо настоящая дружба очень помогает и в горе и в радости. В радости ведь тоже нужна помощь — помощь, чтобы ощутить счастье до глубины души, ощутить и поделиться им. Неразделенная радость — не радость. Человека портит счастье, если он переживает его один. Когда же наступит пора несчастий, пора утрат — опять-таки нельзя быть одному. Горе человеку, если он один.

Поэтому берегите молодость до глубокой старости. Цените все хорошее, что приобрели в молодые годы, не растрачивайте богатств молодости. Ничто из приобретенного в молодости не проходит бесследно. Привычки, воспитанные в молодости, сохраняются на всю жизнь. Навыки в труде — тоже. Привык к работе — и работа вечно будет доставлять радость. А как это важно для человеческого счастья! Нет несчастнее человека ленивого, вечно избегающего труда, усилий...

Как в молодости, так и в старости. Хорошие навыки молодости облегчат жизнь, дурные — усложнят ее и затруднят.

И еще. Есть русская пословица: «Береги честь смолоду». В памяти остаются все поступки, совершенные в молодости. Хорошие будут радовать, дурные — не давать спать!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Самое большое

А в чем самая большая цель жизни? Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас. А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно слагается из

многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. Можно и в мелочи сделать добро человеку, можно и о крупном думать, но мелочь и крупное нельзя разделять. Многое, как я уже говорил, начинается с мелочей, зарождается в детстве и среди близких.

Ребенок любит свою мать и своего отца, братьев и сестер, свою семью, свой дом. Постепенно расширяясь, его привязанности распространяются на школу, село, город, всю страну. А это уже совсем большое и глубокое чувство, хотя и на этом нельзя останавливаться и надо любить в человеке человека.

Надо быть патриотом, а не националистом. Нельзя, нет необходимости ненавидеть чужую семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим.

Большая цель добра начинается с малого — с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов.

Это как круги на воде. Но круги на воде, расширяясь, становятся все слабее. Любовь же и дружба, разрастаясь и распространяясь на многое, обретают новые силы, становятся все выше, а человек, их центр, — мудрее.

Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной. Это значит, что она должна быть соединена с умением замечать недостатки, бороться с недостатками — как в любимом человеке, так и в окружающих людях. Она должна быть соединена с мудростью, с умением отделять необходимое от пустого и ложного. Она не должна быть слепой. Слепой вос-

торг (его даже не назовешь любовью) может привести к ужасным последствиям. Мать, всем восторгающаяся и поощряющая во всем своего ребенка, может воспитать нравственного урода.

Мудрость — это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты — хитрость. Хитрость же непременно рано или поздно оборачивается против самого хитреца. Поэтому хитрость вынуждена скрываться. Мудрость же открыта и надежна. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека. Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье, приносит счастье надежное, долготейшее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости.

Как выразить то общее, что есть между моими тремя положениями: «Большое в малом», «Молодость — вся жизнь» и «Самое большое»? Его можно выразить одним словом, которое может стать девизом: «Верность». Верность тем большим принципам, которыми должен руководствоваться человек в большом и малом, верность своей безупречной молодости, своей родине в широком и в узком смысле этого понятия, верность семье, друзьям, городу, стране, народу. В конечном счете верность есть верность правде — правде-истине и правде-справедливости.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Самая большая ценность — жизнь

«Вдох — выдох, выдох!» Я слышу голос инструктора гимнастики: «Чтобы вдохнуть полной грудью, надо хорошенько выдохнуть. Учитесь прежде всего выдыхать, избавляться от „отработанного“ воздуха».

Жизнь — это прежде всего дыхание. «Душа», «дух»! А умер — прежде всего — «перестал дышать». Так думали исстари. «Дух вон!» — это значит «умер».

Душно бывает в доме, «душно» и в нравственной жизни. Следует хорошенько «выдохнуть» все мелочные заботы, всю суету будничной жизни, избавиться, стряхнуть все, что стесняет движение мысли, что давит душу, не позволяет человеку принимать жизнь, ее ценности, ее красоту.

Человек всегда должен думать о самом важном для себя и для других, сбрасывая с себя все пустые заботы.

Надо быть открытым людям, терпимым к людям, искать в них прежде всего лучшее. Умение искать и находить лучшее, просто хорошее, «заслоненную красоту» обогащает человека духовно.

Заметить красоту в природе, в поселке, городе, не говоря уже — в человеке, сквозь все заслоны мелочей — это значит расширить сферу жизни, сферу того жизненного простора, в которой живет человек.

Я долго искал это слово — «сфера». Сперва я сказал себе: «Надо расширять границы жизни», но жизнь не имеет границ! Это не земельный участок, огороженный забором — границами. «Расширять пределы жизни» — не годится для выражения моей мысли по той же причине. «Расширять горизонты жизни» — это уже лучше, но все же что-то не то. Максимилиан Волошин любил хорошее слово — «окоём». Это все то, что вмещает глаз, что он может охватить. Но и тут мешает ограниченность нашего бытового знания. Жизнь не может быть сведена к бытовым впечатлениям. Надо уметь чувствовать и даже замечать то, что за пределами нашего восприятия, иметь как бы «предчувствие» открывающегося или могущего нам

открыться нового. Самая большая ценность в мире — жизнь: чужая, своя, жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всем ее протяжении — и в прошлом, и в настоящем, и в будущем... А жизнь бесконечно глубока. Мы всегда встречаемся с чем-то, чего не замечали раньше, что поражает нас своей красотой, неожиданной мудростью, неповторимостью.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

В чем смысл жизни

Можно по-разному определять цель своего существования, но цель должна быть — иначе будет не жизнь, а прозябание.

Надо иметь и принципы в жизни. Хорошо их даже изложить в дневнике, но чтобы дневник был «настоящим», его никому нельзя показывать — писать для себя только.

Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить.

Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим.

Ради достоинства жизни надо уметь отказываться от мелких удовольствий и немалых тоже... Уметь извиняться, признавать перед другими ошибку — лучше, чем юлить и врать.

Обманывая, человек прежде всего обманывает самого себя, ибо он думает, что успешно соврал, а люди поняли и из деликатности промолчали. Вранье всегда

видно. Людям особое чувство подсказывает, врут им или говорят правду. Но иногда нет доказательств, а чаще — не хочется связываться...

Природа создавала человека много миллионов лет, и вот эту творческую, созидательную деятельность природы нужно, я думаю, уважать, нужно прожить жизнь с достоинством, и прожить так, чтобы природа, работавшая над нашим созданием, не была обижена. Мы должны в нашей жизни поддерживать эту созидательную тенденцию, творчество природы и ни в коем случае не поддерживать всего разрушительного, что есть в жизни. Как это понимать, как прилагать к своей жизни — на это должен отвечать каждый человек индивидуально, применительно к своим способностям, своим интересам и т. д. Но жить нужно созидая, поддерживать созидательность в жизни. Жизнь разнообразна, а следовательно, и созидание разнообразно, и наши устремления к созидательности в жизни должны быть тоже разнообразны по мере наших способностей и склонностей. Как вы считаете?

В жизни есть какой-то уровень счастья, от которого мы ведем отсчет, как ведем отсчет высоты от уровня моря.

Точка отсчета. Так вот, задача каждого человека и в крупном и в малом — повышать этот уровень счастья. И личное счастье тоже не остается вне этих забот. Но главным образом — окружающих, тех, кто ближе к вам, чей уровень счастья можно повысить просто, легко, без забот. А кроме того, это значит повысить уровень счастья своей страны и всего человечества, в конце концов.

Способы различные, но для каждого что-то доступно. Если недоступно решение государственных вопросов, что повышает всегда уровень счастья, если они мудро решаются, то повысить этот уровень сча-

ства можно в пределах своего рабочего окружения, в пределах своей школы, в кругу своих друзей и товарищей. У каждого есть такая возможность.

Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной или ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Вот, например, в общество человек может принести с собой атмосферу подозрительности, какого-то тягостного молчания, а может внести сразу радость, свет. Вот это и есть творчество. Творчество — оно беспрерывно. Так что жизнь — это и есть вечное созидание. Человек рождается и оставляет по себе память. Какую он оставит по себе память? Об этом нужно заботиться уже не только с определенного возраста, но, я думаю, с самого начала, так как человек может уйти из жизни в любой момент и в любой миг. И очень важно, какую память он о себе оставляет.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Цель и самооценка

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке — низкой или высокой.

Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть? Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждаются в помощи? Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка, ошибка роковая — неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности — огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции — огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина — опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает в сумме гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброму делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Она должна диктоваться добротой

к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей Вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться простому повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, — явление ненормальное и мне лично неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то показное преувеличение своей доброты, бескорыстия, значительности, в этом есть какое-то своеобразное презрение к остальным людям, стремление выделиться.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно «лучше других». И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и семьи — это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла тебя там, где это не нужно. Когда это понадобится — другое дело. Там посмотрим, кто и к чему способен.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Что объединяет людей

Этажи заботы. Забота скрепляет отношения между людьми. Скрепляет семью, скрепляет дружбу, скрепляет односельчан, жителей одного города, одной страны.

Проследите жизнь человека.

Человек рождается, и первая забота о нем — матери; постепенно (уже через несколько дней) вступает

в непосредственную связь с ребенком забота о нем отца (до рождения ребенка забота о нем уже была, но была до известной степени «абстрактной» — к появлению ребенка родители готовились, мечтали о нем).

Чувство заботы о другом появляется очень рано, особенно у девочек. Девочка еще не говорит, но уже пытается заботиться о кукле, нянчит ее. Мальчики, совсем маленькие, любят собирать грибы, ловить рыбу. Ягоды, грибы любят собирать и девочки. И ведь собирают они не только для себя, а на всю семью. Несут домой, заготавливают на зиму.

Постепенно дети становятся объектами все более высокой заботы и сами начинают проявлять заботу настоящую и широкую — не только о семье, но и о школе, о своем селе, городе и стране...

Забота ширится и становится все более альтруистичной. За заботу о себе дети платят заботой о стариках-родителях, когда они уже ничем не могут отплатить за заботу детей. И эта забота о стариках, а потом и о памяти скончавшихся родителей как бы сливается с заботой об исторической памяти семьи и родины в целом.

Если забота направлена только на себя, то вырастает эгоист.

Забота объединяет людей, крепит память о прошлом и направлена целиком на будущее. Это не само чувство — это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма. Человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек, скорее всего, человек недобрый и не любящий никого.

Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т. д.). Чувство сострадания (или что-то

близкое ему) заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, Вселенной. Именно поэтому забытое понятие сострадания требует своего полного возрождения и развития.

Удивительно правильная мысль: «Небольшой шаг для человека, большой шаг для человечества». Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Накормить ребенка, перевести через дорогу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным и т. д. и т. п. — все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя.

Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата». Назвать добрый поступок «глупым» можно только тогда, когда он явно не мог достигнуть цели или был «лжедобрым», ошибочно добрым, то есть не добрым. Повторяю: истинно добрый поступок не может быть глуп, он вне оценок с точки зрения ума или не ума. Тем добро и хорошо.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Быть веселым, но не быть смешным

Говорят, что содержание определяет форму. Это верно, но верно и противоположное, что от формы зависит содержание. Известный американский психолог

начала этого века Д. Джеймс писал: «Мы плачем от того, что нам грустно, но и грустно нам оттого, что мы плачем». Поэтому поговорим о форме нашего поведения, о том, что должно войти в нашу привычку и что тоже должно стать нашим внутренним содержанием.

Когда-то считалось неприличным показывать всем своим видом, что с вами произошло несчастье, что у вас горе. Человек не должен был навязывать свое подавленное состояние другим. Надо было и в горе сохранять достоинство, быть равным со всеми, не погружаться в себя и оставаться по возможности приветливым и даже веселым. Умение сохранять достоинство, не навязываться другим со своими огорчениями, не портить другим настроение, быть всегда равным в обращении с людьми, быть всегда приветливым и веселым — это большое и настоящее искусство, которое помогает жить в обществе и самому обществу.

Но каким веселым надо быть? Шумное и навязчивое веселье утомительно для окружающих. Вечно сыплющий островами молодой человек перестает восприниматься как достойно ведущий себя. Он становится шутком. А это худшее, что может случиться с человеком в обществе, и это означает в конечном счете потерю чувства юмора.

Не будьте смешными.

Не быть смешным — это не только умение себя вести, но и признак ума.

Смешным можно быть во всем, даже в манере одеваться. Если мужчина чересчур тщательно подбирает галстук к рубашке, рубашку к костюму — он смешон. Излишняя забота о своей наружности сразу видна. Надо заботиться о том, чтобы одеваться прилично, но эта забота у мужчин не должна переходить известных

границ. Чрезмерно заботящийся о своей наружности мужчина неприятен. Женщина — другое дело. У мужчин же в одежде должен быть только намек на моду. Идеально чистая рубашка, чистая обувь и свежий, но не очень яркий галстук — этого достаточно. Костюм может быть старый, он только не должен быть неприятен.

В разговоре с другими умеете слушать, умеете помолчать, умеете пошутить, но редко и вовремя. Занимайте собой как можно меньше места. Поэтому за обедом не кладите локти на стол, стесняя соседа. Не старайтесь чрезмерно быть «душой общества». Во всем соблюдайте меру, не будьте навязчивыми даже со своими дружескими чувствами.

Не мучайтесь из-за своих недостатков, если они у вас есть. Если вы заикаетесь, не думайте, что это уж очень плохо. Заики бывают превосходными ораторами, обдумывая каждое свое слово. Лучший лектор славившегося красноречивыми профессорами Московского университета историк В. О. Ключевский заикался. Небольшое косоглазие может придавать значительность лицу, хромота — движениям. И если вы застенчивы, то не бойтесь этого. Не стесняйтесь своей застенчивости: застенчивость очень мила и совсем не смешна. Она становится смешной, только если вы слишком стараетесь ее преодолеть и стесняетесь ее. Будьте просты и снисходительны к своим недостаткам. Не страдайте от них. Хуже нет, когда в человеке развивается «комплекс неполноценности», а вместе с ним озлобленность, недоброжелательность к другим лицам, зависть. Человек теряет то, что в нем самое хорошее, — доброту.

Нет лучшей музыки, чем тишина, тишина в горах, тишина в лесу. Нет лучшей «музыки в человеке», чем

скромность и умение помолчать, не выдвигаться на первое место. Нет ничего более неприятного и глупого в облике и поведении человека, чем важность или шумливость; нет ничего более смешного в мужчине, чем чрезмерная забота о своем костюме и прическе, расчитанность движений и «фонтан острот» и анекдотов, особенно если они повторяются.

В поведении бойтесь быть смешным и старайтесь быть скромным, тихим.

Никогда не распускайтесь, всегда будьте равными с людьми, уважайте людей, которые вас окружают.

Не бойтесь своих физических недостатков. Держитесь с достоинством, и вы будете элегантно.

У меня есть знакомая девушка, чуть горбатая. Честное слово, я не устаю восхищаться ее изяществом в тех редких случаях, когда встречаю ее в музеях на вернисажах (там все встречаются — потому-то они и праздники культуры).

И еще одно, и самое, может быть, важное: будьте правдивы. Стремящийся обмануть других прежде всего обманывается сам. Он наивно думает, что ему поверили, а окружающие на самом деле были просто вежливы. Но ложь всегда выдает себя, ложь всегда «чувствуется», и вы не только становитесь противны, хуже — вы смешны.

Не будьте смешны! Правдивость же красива, даже если вы признаетесь, что обманули перед тем по какому-либо случаю, и объясните, почему это сделали. Этим вы исправите положение. Вас будут уважать, и вы покажете свой ум.

Простота и «тишина» в человеке, правдивость, отсутствие претензий в одежде и поведении — вот самая привлекательная «форма» в человеке, которая становится и его самым элегантно «содержанием».

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Когда следует обижаться?

Обижаться следует только тогда, когда хотят вас обидеть. Если не хотят, а повод для обиды — случайность, то зачем же обижаться?

Не сердясь, выясните недоразумение — и все.

Ну а если хотят обидеть? Прежде чем отвечать на обиду обидой, стоит подумать: следует ли опускаться до обиды? Ведь обида обычно лежит где-то низко, и до нее следует наклониться, чтобы ее поднять.

Если решили все же обидеться, то прежде произведите некое математическое действие — вычитание, деление и пр. Допустим, вас оскорбили за то, в чем вы только отчасти виноваты. Вычитайте из вашего чувства обиды все, что к вам не относится. Допустим, что вас обидели из побуждений благородных, — произведите деление вашего чувства на побуждения благородные, вызвавшие оскорбительное замечание, и т. д. Произведя в уме некую нужную математическую операцию, вы сможете ответить на обиду с большим достоинством, которое будет тем благороднее, чем меньше значения вы придаете обиде. До известных пределов, конечно.

В общем-то, излишняя обидчивость — признак недостатка ума или какой-то закомплексованности. Будьте умны.

Есть хорошее английское правило: обижаться только тогда, когда вас х о т я т обидеть, н а м е р е н н о обижают. На простую невнимательность, забывчивость (иногда свойственную данному человеку по возрасту, по темпераменту) обижаться не надо. Напротив, проявите к такому «забывчивому» человеку особую внимательность — это будет красиво и благородно.

Это если «обижают» вас, а как быть, когда вы сами можете обидеть другого? В отношении обидчивых людей надо быть особенно внимательными. Обидчивость ведь очень мучительная черта характера.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Честь истинная и ложная

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть всегда исходит из глубины души, и совестью в той или иной мере очищаются. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезло такое несвойственное нашему обществу явление, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совестливое сердце.

«Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее») и т. д. Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много.

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью. Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, «чиновничьей») души.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Про карьеризм

Человек с первого дня жизни развивается. Он устремлен в будущее. Он учится, научается ставить себе новые задачи, даже не понимая этого. И как быстро он овладевает своим положением в жизни! Уже и ложку умеет держать, и первые слова произносить.

Потом, отроком и юношей, он тоже учится.

И уже приходит время применять свои знания, достичь того, к чему стремился. Зрелость. Надо жить настоящим...

Но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в «устройстве себя» в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено. Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внутреннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Человек должен быть интеллигентен

Человек должен быть интеллигентен! А если у него профессия не требует интеллигентности? А если он не смог получить образования? Так сложились обстоятельства. А если окружающая среда не позволяет? А если интеллигентность сделает его «белой вороной» среди его сослуживцев, друзей, родных, будет просто мешать его сближению с другими людьми?

Нет, нет и нет! Интеллигентность нужна при всех обстоятельствах. Она нужна и для окружающих, и для самого человека.

Это очень, очень важно, и прежде всего для того, чтобы жить счастливо и долго — да, долго! Ибо интеллигентность равна нравственному здоровью, а здоровье нужно, чтобы жить долго — не только физически, но и умственно. В одной старой книге сказано: «Чти отца своего и мать свою, и долголетен будешь на земле». Это относится и к целому народу, и к отдельному человеку. Это мудро.

Но прежде всего определим, что такое интеллигентность, а потом — почему она связана с «заповедью долголетия».

Многие думают: интеллигентный человек — это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков.

А между тем можно иметь все это и быть неинтеллигентным и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком.

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового.

Больше того... Лишите подлинно интеллигентного человека всех его знаний, образованности, лишите его самой памяти. Пусть он забыл все на свете, не будет знать классиков литературы, не будет помнить величайшие произведения искусства, забудет важнейшие исторические события, но если при всем этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес

к истории, эстетическое чутье, сможет отличить настоящее произведение искусства от грубой «штукотины», сделанной, только чтобы удивить, если он сможет восхититься красотой природы, понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а поняв другого человека, помочь ему, не проявит грубости, равнодушия, злорадства, зависти, а оценит другого по достоинству, если он проявит уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов, богатство и точность своего языка — разговорного и письменного, — вот это и будет интеллигентный человек.

Интеллигентность не только в знаниях, а и в способностях к пониманию другого. Она проявляется в тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за столом, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, не мусорить вокруг себя — не мусорить окурками или руганью, дурными идеями (это тоже мусор, и еще какой!).

Я знал на Русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. Они соблюдали удивительную чистоту в своих домах, умели ценить хорошие песни, умели рассказывать «бывальщину» (то есть то, что произошло с ними или другими), жили упорядоченным бытом, были гостеприимны и приветливы, с пониманием относились и к чужому горю, и к чужой радости.

Интеллигентность — это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям.

Интеллигентность надо в себе развивать, тренировать — тренировать душевные силы, как тренируют

и физические. А тренировка возможна и необходима в любых условиях.

Что тренировка физических сил способствует долголетию — это понятно. Гораздо меньше понимают, что для долголетия необходима и тренировка духовных и душевных сил.

Дело в том, что злобная и злая реакция на окружающее, грубость и непонимание других — это признак душевной и духовной слабости, человеческой неспособности жить... Толкается в переполненном автобусе слабый и нервный человек, измотанный, неправильно на все реагирующий. Ссорится с соседями человек, не умеющий жить, глухой душевно. Эстетически невосприимчивый — тоже человек несчастный. Не умеющий понять другого человека, приписывающий ему только злые намерения, вечно обижающийся на других — это тоже человек, обедняющий свою жизнь и мешающий жить другим. Душевная слабость ведет к физической слабости. Я не врач, но я в этом убежден. Долголетний опыт меня в этом убедил.

Приветливость и доброта делают человека не только физически здоровым, но и красивым. Да, именно красивым.

Лицо человека, искажающееся злобой, становится безобразным, а движения злого человека лишены изящества — не нарочитого изящества, а природного, которое гораздо дороже.

Социальный долг человека — быть интеллигентным. Это долг и перед самим собой. Это залог его личного счастья и «ауры доброжелательности» вокруг него и к нему (то есть обращенной к нему).

Все, о чем я разговариваю с молодыми читателями в этой книге, — призыв к интеллигентности, к физическому и нравственному здоровью, к красоте здо-

ровья. Будем долголетними как люди и как народ! А почитание отца и матери следует понимать широко — как почитание всего нашего лучшего в прошлом, в прошлом, которое является отцом и матерью нашей современности, великой современности, принадлежать к которой — великое счастье.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

О воспитанности

Получить хорошее воспитание можно не только в своей семье или в школе, но и... у самого себя.

Надо только знать, что такое настоящая воспитанность.

Я не берусь давать «рецепты» воспитанности, так как сам себя вовсе не считаю образцово воспитанным. Но кое-какими мыслями я хотел бы поделиться с читателями.

Я убежден, например, что настоящая воспитанность проявляется прежде всего у себя дома, в своей семье, в отношениях со своими родными.

Если мужчина на улице пропускает вперед себя незнакомую женщину (даже в автобусе!) и даже открывает ей дверь, а дома не поможет усталой жене вымыть посуду — он невоспитанный человек.

Если со знакомыми он вежлив, а с домашними раздражается по каждому поводу — он невоспитанный человек.

Если он не считается с характером, психологией, привычками и желаниями своих близких — он невоспитанный человек.

Если, уже будучи взрослым, он как должное принимает помощь родителей и не замечает, что они сами

уже нуждаются в помощи, — он невоспитанный человек.

Если он громко заводит радио и телевизор или просто громко разговаривает, когда кто-то дома готовит уроки или читает (пусть это будут даже его маленькие дети), — он невоспитанный человек и никогда не сделает воспитанными своих детей.

Если он любит трунить (шутить) над женой или детьми, не щадя их самолюбия, особенно при посторонних, то тут уже он (извините меня!) просто глуп.

Воспитанный человек — это тот, кто хочет и умеет считаться с другими, это тот, кому собственная вежливость не только привычна и легка, но и приятна. Это тот, кто в равной степени вежлив и со старшим и с младшим годами и по положению.

Воспитанный человек во всех отношениях не ведет себя «громко», экономит время других («Точность — вежливость королей», — гласит поговорка), строго выполняет данные другим обещания, не важничает, не «задирает нос» и всегда один и тот же — дома, в школе, в институте, на работе, в магазине и в автобусе.

Читатель заметил, вероятно, что я обращаюсь главным образом к мужчине, к главе семьи. Это потому, что женщине действительно нужно уступать дорогу... не только в дверях.

Но умная женщина легко поймет, что именно надо делать, чтобы, всегда и с признательностью принимая от мужчины данное ей природой право, как можно меньше заставлять мужчину уступать ей первенство. А это гораздо труднее! Поэтому-то природа позаботилась, чтобы женщины (я не говорю об исключениях) были наделены бóльшим чувством такта и большей природной вежливостью, чем мужчины...

Есть много книг о хороших манерах. Эти книги объясняют, как держать себя в обществе, в гостях и дома, в театре, на работе, со старшими и младшими, как говорить, не оскорбляя слуха, и одеваться, не оскорбляя зрения окружающих. Но люди, к сожалению, мало черпают из этих книг. Происходит это, я думаю, потому, что в книгах о хороших манерах редко объясняется, зачем нужны хорошие манеры. Кажется: иметь хорошие манеры фальшиво, скучно, ненужно. Человек хорошими манерами и в самом деле может прикрыть дурные поступки.

Да, хорошие манеры могут быть очень внешними, но в целом хорошие манеры созданы опытом множества поколений и знаменуют многовековое стремление людей быть лучше, жить удобнее и красивее.

В чем же дело? Что лежит в основе руководства для приобретения хороших манер? Простое ли это собрание правил, «рецептов» поведения, наставлений, которые трудно запомнить все?

В основе всех хороших манер лежит забота — забота о том, чтобы человек не мешал человеку, чтобы все вместе чувствовали себя хорошо.

Надо уметь не мешать друг другу. Поэтому не надо шуметь. От шума не заткнешь уши — вряд ли это во всех случаях и возможно. Например, за столом во время еды. Поэтому не надо чавкать, не надо звонко класть вилку на тарелку, с шумом втягивать в себя суп, громко говорить за обедом или говорить с набитым ртом. И не надо класть локти на стол — опять-таки чтобы не мешать соседу. Быть опрятно одетым надо потому, что в этом сказывается уважение к другим — к гостям, к хозяевам или просто к прохожим: на вас не должно быть противно смотреть. Не надо

утомлять соседей непрерывными шутками, остротами и анекдотами, особенно такими, которые уже были кем-то рассказаны вашим слушателям. Этим вы ставите слушателей в неловкое положение. Старайтесь не только сами развлекать других, но и дайте возможность другим что-то рассказать. Манеры, одежда, походка, все поведение должно быть сдержанным и... красивым. Ибо любая красота не утомляет. Она «социальна». И в так называемых хороших манерах есть всегда глубокий смысл. Не думайте, что хорошие манеры — это только манеры, то есть нечто поверхностное. Своим поведением вы выявляете свою суть. Воспитывать в себе нужно не столько манеры, сколько то, что выражается в манерах, — бережное отношение к миру: к обществу, к природе, к животным и птицам, к растениям, к красоте местности, к прошлому тех мест, где живешь, и т. д.

Нужно не запоминать сотни правил, а запомнить одно — необходимость уважительного отношения к другим. А если у вас будет это и еще немного находчивости, то манеры сами придут к вам, или, лучше сказать, придет память на правила хорошего поведения, желание и умение их применить.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

О дурных и хороших влияниях

В жизни каждого человека есть любопытное явление: сторонние влияния. Эти сторонние влияния обычно бывают чрезвычайно сильными, когда юноша или девушка начинают становиться взрослыми — на переломе. Потом сила этих влияний ослабевает.

Но о влияниях — их «патологии», а иногда и нормальности — надо помнить юношам и девушкам.

Может быть, тут и нет особой «патологии»: просто подрастающему человеку, мальчику или девочке, хочется поскорее стать взрослым, самостоятельным. Но, становясь самостоятельными, они стремятся освободиться прежде всего от влияния своей семьи. Со своей семьей связаны представления об их «детскости». Отчасти в этом виновата бывает и сама семья, которая не замечает, что их «ребенок» если не стал, то хочет быть взрослым. Но привычка слушаться еще не прошла, и вот он «слушается» того, кто признал его взрослым, — иногда человека, самого еще не ставшего взрослым и по-настоящему самостоятельным.

Влияния бывают и хорошие и плохие. Помните об этом. Но плохих влияний следует опасаться. Потому что человек с волей не поддается дурному влиянию, он сам выбирает себе путь, человек же безвольный поддается дурным влияниям. Бойтесь безотчетных влияний, особенно если вы еще не умеете точно, четко отличить хорошее от плохого, если вам нравятся похвалы и одобрения своих товарищей, какими бы эти похвалы и одобрения ни были: лишь бы хвалили.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Про зависть

Если тяжелоес ставит новый мировой рекорд в поднятии тяжестей, вы ему завидуете? А если гимнастка? А если рекордсмен по прыжкам с вышки в воду?

Начните перечислять все, что вы знаете и чему можно позавидовать: вы заметите, что чем ближе к вашей работе, специальности, жизни, тем сильнее близость зависти. Это как в игре — холодно, тепло, еще теплее, горячо, обжегся!

На последнем слове вы нашли с завязанными глазами запрятанную другими игроками вещь. Вот то же и с завистью. Чем ближе достижения другого к вашей специальности, к вашим интересам, тем больше возрастает обжигающая опасность зависти.

Ужасное чувство, от которого страдает прежде всего тот, кто завидует.

Теперь вы поймете, как избавиться от крайне болезненного чувства зависти: развивайте в себе свои собственные индивидуальные склонности, свою собственную неповторимость в окружающем вас мире, будьте самим собой, и вы никогда не будете завидовать.

Зависть развивается прежде всего там, где вы сам себе чужой.

Зависть развивается прежде всего там, где вы не отличаете себя от других.

Завидуете — значит, не нашли себя.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

О жадности

Меня не удовлетворяют словарные определения слова «жадность». «Стремление удовлетворить чрезмерное, ненасытное желание чего-либо» или «скудность, корыстолюбие» (это из одного из лучших словарей русского языка — четырехтомного, первый том

его вышел в 1957 году). В принципе, это определение четырехтомного словаря верно, но оно не передает того чувства отвращения, которое меня охватывает, когда я наблюдаю проявления жадности в человеке. Жадность — это забвение собственного достоинства, это попытка поставить свои материальные интересы превыше всего, это душевная кособокость, жуткая направленность ума, крайне его ограничивающая, жухлость умственная, жалкость, желтушный взгляд на мир, желчность к себе и другим, забвение товарищества. Жадность в человеке даже не смешна, она унижительна. Она враждебна себе и окружающим.

Иное дело — разумная бережливость; жадность — ее искажение, ее болезнь. Бережливостью владеет ум, жадность овладевает умом.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Уметь спорить с достоинством

В жизни приходится очень много спорить, возражать, опровергать мнение других, не соглашаться.

Лучше всего проявляет свою воспитанность человек, когда он ведет дискуссию, спорит, отстаивая свои убеждения.

В споре сразу же обнаруживается интеллигентность, логичность мышления, вежливость, умение уважать людей и... самоуважение.

Если в споре человек заботится не столько об истине, сколько о победе над своим противником, не умеет выслушать своего противника, стремится противника перекричать, испугать обвинениями — это пустой человек, и спор его пустой.

Как же ведет спор умный и вежливый спорщик?

Прежде всего он внимательно выслушивает своего противника — человека, который не согласен с его мнением. Больше того, если ему что-либо неясно в позициях его противника, он задает ему дополнительные вопросы. И еще: если даже все позиции противника ясны, он выберет самые слабые пункты в утверждениях противника и переспросит, это ли утверждает его противник.

Внимательно выслушивая своего противника и переспрашивая, спорящий достигает трех целей: 1) противник не сможет возразить тем, что его «неправильно поняли», что он «этого не утверждал»; 2) спорящий своим внимательным отношением к мнению противника сразу завоевывает себе симпатии среди тех, кто наблюдает за спором; 3) спорящий, слушая и переспрашивая, выигрывает время для того, чтобы обдумать свои собственные возражения (а это тоже немаловажно), уточнить свои позиции в споре.

В дальнейшем, возражая, никогда не следует прибегать к недозволенным приемам спора, а придерживаться надо следующих правил: 1) возражать, но не обвинять; 2) не «читать в сердце», не пытаться проникнуть в мотивы убеждений противника («вы стойте на этой точке зрения, потому что она вам выгодна», «вы так говорите, потому что вы сам такой» и т. п.); 3) не отклоняться в сторону от темы спора; спор нужно уметь доводить до конца, то есть либо до опровержения тезиса противника, либо до признания правоты противника.

На последнем своем утверждении я хочу остановиться особо.

Если вы с самого начала ведете спор вежливо и спокойно, без заносчивости, то тем самым вы обес-

печиваете себе спокойное отступление с достоинством.

Помните: нет ничего красивее в споре, как спокойно в случае необходимости признать полную или частичную правоту противника. Этим вы завоевываете уважение окружающих. Этим вы как бы призываете к уступчивости и своего противника, заставляете его смягчить крайности своей позиции.

Конечно, признавать правоту противника можно только тогда, когда дело касается не ваших общих убеждений, не ваших нравственных принципов (они всегда должны быть самыми высокими).

Человек не должен быть флюгером, не должен уступать оппоненту только для того, чтобы ему понравиться, или, боже сохрани, из трусости, из карьерных соображений и т. д.

Но уступить с достоинством в вопросе, который не заставляет вас отказаться от своих общих убеждений (надеюсь, высоких), или с достоинством принять свою победу, не злорадствуя над побежденным в споре, не торжествуя, не оскорбляя самолюбия оппонента, — как это красиво!

Одно из самых больших интеллектуальных удовольствий — следить за спором, который ведется умными и умными спорщиками.

Нет ничего более глупого в споре, чем спорить без аргументации. Помните у Гоголя разговор двух дам в «Мертвых душах»?

«— Милая, это пестро!

— Ах нет, не пестро!

— Ах, пестро!»

Когда у спорящего нет аргументов, появляются просто «мнения».

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Искусство ошибаться

Я не люблю смотреть телевизионные передачи. Но были программы, которые я смотрел всегда: танцы на льду. Потом я устал от них и смотреть перестал — перестал смотреть систематически, смотрю только эпизодически. Больше всего мне нравится, когда те, кого считают слабыми или кто еще не вошел в обоймы «признанных», выступают удачно. Удача начинающих или удача неудачливых приносит гораздо более удовлетворения, чем удача удачников.

Но дело не в этом. Больше всего меня восхищает, как «конькобежец» (так в старину называли спортсменов на льду) выправляет свои ошибки во время танца. Упал и встает, быстро вступая снова в танец, и ведет этот танец так, точно падения и не было. Это искусство, огромное искусство.

Но ведь в жизни ошибок бывает гораздо больше, чем на ледяном поле. И надо уметь выходить из ошибок: исправлять их немедленно и... красиво. Да, именно красиво.

Когда человек упорствует в своей ошибке или чересчур переживает, думает, что жизнь кончилась, «все погубило», — это досадно и для него, и для окружающих. Окружающие испытывают неловкость не от самой ошибки, а от того, какое неумение проявляет ошибшийся в ее исправлении.

Признаться в своей ошибке перед самим собой (не обязательно делать это публично: тогда это либо стыдно, либо рисовка) не всегда легко, нужен опыт. Нужен опыт, чтобы после совершенной ошибки как можно скорее и как можно легче включиться в работу,

продолжить ее. И окружающим не надо понуждать человека к признанию ошибки, надо побуждать к ее исправлению; реагируя так, как реагируют зрители на соревнованиях, иногда даже награждая упавшего и легко исправившего свою ошибку радостными аплодисментами при первом же удобном случае.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Как говорить?

Неряшливость в одежде — это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе. Дело не в том, чтобы быть одетым щегольски. В щегольской одежде есть, может быть, преувеличенное представление о собственной элитности, и по большей части щеголь стоит на грани смешного. Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет, и в зависимости от возраста. Спортивная одежда не сделает старика спортсменом, если он не занимается спортом. «Профессорская» шляпа и черный строгий костюм невозможны на пляже или в лесу за сбором грибов.

А как расценивать отношение к языку, которым мы говорим? Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Есть разного рода неряшливости в языке человека.

Если человек родился и живет вдали от города и говорит на своем диалекте, в этом никакой неряшливости нет. Не знаю, как другим, но мне эти местные диалекты, если они строго выдержаны, нравятся. Нравится их напевность, нравятся местные слова,

местные выражения. Диалекты часто бывают неиссякаемым источником обогащения русского литературного языка. Как-то в беседе со мной писатель Федор Александрович Абрамов сказал: «С Русского Севера вывозили гранит для строительства Петербурга и вывозили слово — слово в каменных блоках былин, причитаний, лирических песен... „Исправить“ язык былин — перевести его на нормы русского литературного языка — это попросту испортить былины».

Иное дело, если человек долго живет в городе, знает нормы литературного языка, а сохраняет формы и слова своей деревни. Это может быть оттого, что он считает их красивыми и гордится ими. Это меня не коробит. Пусть он и окает, и сохраняет свою привычную напевность. В этом я вижу гордость за свою родину — свое село. Это не плохо, и человека это не унижает. Это так же красиво, как забытая сейчас косоворотка, но только на человеке, который ее носил с детства, привык к ней. Если же он надел ее, чтобы покрасоваться в ней, показать, что он «истинно деревенский», то это и смешно и цинично: «Глядите, каков я: плевать я хотел на то, что живу в городе. Хочу быть непохожим на всех вас!»

Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, — распространеннейшее явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха, боязни, иногда просто опасения. Грубыми прозвищами учителей именно слабые волей ученики хотят показать, что они их не боятся. Это происходит полусознательно. Я уж не говорю о том, что это признак

невоспитанности, неинтеллигентности, а иногда и жестокости. Но та же самая подоплека лежит в основе любых грубых, циничных, бесшабашно иронических выражений по отношению к тем явлениям повседневной жизни, которые чем-либо травмируют говорящего. Этим грубо говорящие люди как бы хотят показать, что они выше тех явлений, которых на самом деле они боятся. В основе любых жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость. «Плюющиеся словами» люди потому и демонстрируют свое презрение к травмирующим их явлениям в жизни, что они их беспокоят, мучат, волнуют, что они чувствуют себя слабыми, не защищенными против них.

По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо¹.

Наш язык — это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело: мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его возможной «закомплексованности» (есть такое печальное явление в психологии некоторых слабых людей, но объяснять его сейчас я не имею возможности — это большой и особый вопрос).

Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно — прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть и трудно —

¹ С вопросом о психологии языковой грубости вы можете ознакомиться в моей работе «Арготические слова профессиональной речи» — в кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 311–359.

это надо, надо. Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения (как я уже сказал), но и нашей личности, наших души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она «затягивает».

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Как выступать?

Общественные устные выступления обычны теперь в нашей жизни. Каждому надо уметь выступать на собраниях, а может быть, с лекциями и докладами.

Тысячи книг написаны во все века об искусстве ораторов и лекторов. Не стоит здесь повторять все, что известно об ораторском искусстве. Скажу лишь одно, самое простое: чтобы выступление было интересным, выступающему самому должно быть интересно выступать. Ему должно быть интересно изложить свою точку зрения, убедить в ней, материал лекции должен быть для него самого привлекательным, в какой-то мере удивительным. Выступающий сам должен быть заинтересован в предмете своего выступления и суметь передать этот интерес слушателям — заставить их почувствовать заинтересованность выступающего. Только тогда его будет интересно слушать.

И еще: в выступлении не должно быть нескольких равноправных мыслей, идей. Во всяком выступлении должна быть одна доминирующая идея, одна мысль, которой подчиняются другие. Тогда выступление не только заинтересует, но и запомнится.

А по существу, всегда выступайте с добрых позиций. Даже выступление против какой-либо идеи, мысли стремитесь построить как поддержку того положи-

тельного, что есть в возражениях спорящего с вами. Общественное выступление всегда должно быть с общественных позиций. Тогда оно встретит сочувствие.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Как писать?

Каждый человек должен писать так же хорошо, как и говорить. Речь, письменная или устная, характеризует его в большей мере, чем даже его внешность или умение себя держать. В языке сказывается интеллигентность человека, его умение точно и правильно мыслить, его уважение к другим, его «опрятность» в широком смысле этого слова.

Сейчас речь пойдет только о письменном языке, и по преимуществу о том виде письменного языка, к которому я сам больше привык, то есть о языке научной работы (литературоведческой в основном) и о языке журнальных статей для широкого читателя.

Прежде всего одно общее замечание. Чтобы научиться ездить на велосипеде, надо е з д и т ь на велосипеде. Чтобы научиться писать, надо п и с а т ь! Нельзя обставить себя хорошими рекомендациями, как писать, и сразу начать писать правильно и хорошо: ничего не выйдет. Поэтому пишите письма друзьям, ведите дневник, пишите воспоминания (их можно и нужно писать как можно раньше — не худо еще в юные годы — о своем детстве, например).

У нас часто говорят о том, что научные работы и учебники пишутся сухим языком, изобилуют канцелярскими оборотами. Особенно в этом отношении

«достаётся» работам по литературоведению и истории. И по большей части эти упреки справедливы. Справедливы, но не очень конкретны. Надо писать хорошо и не надо плохо! Этого никто не отрицает, и вряд ли найдутся люди, которые бы выступили с противоположной точкой зрения. Но вот что такое «хороший язык» и как приобрести навыки писать хорошо — об этом у нас пишут редко.

В самом деле, «хорошего языка» как такового не существует. Хороший язык — это не каллиграфия, которую можно применить по любому поводу. Хороший язык математической работы, хороший язык литературоведческой статьи или хороший язык повести — это различные хорошие языки.

Часто говорят так: «Язык его статьи хороший, образный», и даже от классных работ в школе требуют образности языка. Между тем образность языка не всегда достоинство научного языка.

Язык художественной литературы образен, но, с точки зрения ученого, неточен. Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное — многозначность. Возьмем строки Есенина: «В залихватском степном разгоне колокольчик хохочет до слез». Перед нами образ, очень богатый содержанием, но неоднозначный. Что это — веселый звон колокольчика? Конечно, не только это. Крайне важно, что в строках этих упоминаются и слезы, хотя при поверхностном чтении можно и не придать им особого значения, приняв в целом все выражение за обычный фразеологизм: хохотать очень сильно. Образ уточняет свое значение благодаря контексту и становится полностью понятным только в конце стихотворения: «Потому что

над всем, что было, колокольчик хохочет до слез». Здесь вступает в силу тема иронии судьбы — судьбы, смеющейся над преходящими явлениями человеческой жизни.

Художественный образ как бы постепенно «разгадывается» читателем. Писатель делает читателя соучастником своего творчества. Эта постепенность самораскрытия художественного образа и соучастие читателя в творческом процессе — очень существенная сторона художественного произведения. От этого зависит не только то эстетическое наслаждение, которое мы получаем при чтении художественного произведения, но и его убедительность. Автор как бы заставляет читателя самого приходить к нужному выводу. Он делает читателя, повторяю, своим соучастником в творчестве.

То же можно сказать и о такой разновидности художественного творчества, как шутка. Шутка незамедлительна, например, в споре. Заставить рассмеяться аудиторию — это значит наполовину убедить ее в своей правоте. Художественный образ и шутка заставляют читателя или слушателя разделить с их автором ход его мыслей.

Французская поговорка гласит: «Важно, чтобы смеющиеся были на твоей стороне». Тот, с кем смеются, — победитель в споре.

Шутка важна в трудных положениях: ею восстанавливается душевное равновесие. Суворов шуткой подбадривал своих солдат.

Поэтому там, где необходимо не только логическое убеждение, но и эмоциональное, художественный образ и шутка очень важны. Они важны в научно-популярной работе и в ораторских выступлениях.

Всякий лектор знает, как важно восстановить ослабевшее внимание аудитории шуткой. Шутка даже в большей степени, чем художественный образ, требует активного соучастия, она заставляет слушателей не только пассивно слушать, но и активно «домысливать» острую.

Но в научной работе образность и остроты допустимы только в качестве некоего дивертисмента. По природе своей научный язык резко отличен от языка художественной литературы. Он требует точности выражения, максимальной краткости, строгой логичности, отрицает всякие «домысливания».

В научном языке не должны «чувствоваться чернила»: он должен быть легким. Язык научной работы должен быть «незаметен». Если читатель прочтет научную работу и не обратит внимания на то, хорошо или плохо она написана, — значит она написана хорошо. Хороший портной шьет костюм так, что мы его носим, «не замечая». Самое большое достоинство научного изложения (тут уж я говорю вообще об изложении, а не только о языке) — логичность и последовательность переходов от мысли к мысли. Умение развивать мысль — это не только логичность, но и ясность изложения.

Очень важно, чтобы ученый «чувствовал» своего читателя, точно знал, к кому он обращается.

Надо всегда конкретно представлять себе или воображать читателя будущей работы и как бы записывать свою беседу с ним. Пусть этот воображаемый читатель будет скептик, заядлый спорщик, человек, не склонный принимать на веру что бы то ни было. В строго научной работе этот мысленный образ читателя должен быть высок — воображаемый читатель

должен быть специалистом в излагаемой области. В научно-популярных работах этот воображаемый читатель должен быть немного непонятлив (но в меру: своего читателя не следует «обижать»). Беседуя с таким воображаемым читателем, записывайте все, что вы ему говорите. Чем ближе ваш письменный язык к языку устному, тем лучше, тем он свободнее, разнообразнее, естественнее по интонации. Специфические для письменной речи обороты утяжеляют язык. Они не нужны. Однако устный язык имеет и большие недостатки: он не всегда точен, он неэкономичен, в нем часты повторения. Значит, записав свою речь к воображаемому читателю, надо затем ее максимально сократить, исправить, освободить от неточностей, от чрезмерно вольных, «разговорных» выражений. Научная работа «подожмет», станет компактной, точной, но сохранит интонации живой речи, а главное — в ней будет чувствоваться адресат, воображаемый собеседник автора.

Обогащение и легкость письменного языка часто идут от разговорного языка. Из разговорного языка можно заимствовать отдельные слова и целые выражения. Но надо помнить, что разговорные выражения настолько стилистически сильны и заметны в письменном языке, что в точном научном языке их нельзя повторять на близком расстоянии друг от друга.

* * *

В науке очень важно найти нужное обозначение для обнаруженного явления — термин. Очень часто это значит закрепить сделанное наблюдение или обобщение, сделать его заметным в науке, ввести его в науку, привлечь к нему внимание.

Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку, — окрестите его, дайте ему имя, название. Вводя в науку свое детище, предоставьте его обществу ученых, а для этого назовите его и ничто не оставляйте безымянным. Но не делайте это слишком часто. Некоторые новые работы по лингвистике или литературоведению перенасыщены новой терминологией. В деле своей жизни ученому достаточно создать всего два-три новых термина для значительных явлений, им открытых.

Обычный путь создания нового обозначения, нового термина — привлечение метафоры. Метафорой будет и заимствование слова из какой-то соседней области науки.

Разумеется, ни одна метафора и ни один образ в силу своей первоначальной многозначности не могут быть совершенно точными, не могут полностью выразить явление. Поэтому в первый момент новый термин всегда кажется немного неудачным. Лишь тогда, когда за метафорой, образом закрепится одно точное значение, исследователи к нему «привыкнут», образ, лежащий в основе нового термина, потеряет свою остроту, — термин войдет в употребление и даже, может статься, будет казаться удачным.

Точное научное значение «прорастает» сквозь образ. Сперва в новом научном термине образ как бы заслоняет собой точное значение, затем точное значение начинает заслонять образ. Точным должно быть само наблюдение ученого, ярко отграниченным и специфическим само явление, которое обозначается новым термином, — тогда точным станет и термин.

В тех редких случаях, когда ученый может или даже должен прибегнуть к метафоре, к образу, необхо-

димо следить за их «материальным» значением. У одного высокообразованного литературоведа XIX века мы читаем такую фразу: «Данте одной ногой прочно стоял в Средневековье, а другой приветствовал зарю Возрождения...» Остроумнейший и наблюдательнейший историк В. О. Ключевский так пародировал эту фразу в своем «Курсе лекций по русской истории»: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу... одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении»¹.

Здесь образ пародирован. Пародия оправдана тем, что в обоих случаях речь идет о величайших переходных этапах: одной — в истории Западной Европы, другой — в истории России. Но царь Алексей Михайлович не Данте, и над ним стоило посмеяться.

Однако у того же В. О. Ключевского мы можем встретить и неудачные выражения, неудачные образы: «Этому взгляду... критик не мог придать цельного выражения, высказывая его по частям, осколками». «Осколками» нельзя высказывать что-либо. Но если стремиться сохранить образ «осколков», то фразу легко было бы исправить так: «Его мысли были чисты и ясны как стекло, но высказывал он их неполно — как бы осколками». Надо всегда следить за уместностью и осмысленностью образа. Советский историк Б. Д. Греков писал в своей работе о Новгороде: «В воскресный день на Волхове больше парусов, чем телег на базаре...» И это осмыслено тем, что речь в контексте идет именно о торговле.

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1957. С. 320.

Нельзя писать просто «красиво». Надо писать точно и осмысленно, оправданно прибегая к образам.

Великий мастер русского языка историк В. О. Ключевский умел не размазывать свою мысль, давая ее иногда лишь намеком, прибегая к своего рода стилистическому лукавству, которое действовало иногда сильнее, чем самый яркий образ. Сравните такие его фразы: «В университете при Академии наук (речь идет о XVIII веке. — *Д. Л.*) лекций не читали, но студентов секли» — или о времени Петра: «Казнокрадство и взяточничество достигли размеров, небывалых прежде, разве только после...» О стихотворстве царя Алексея Михайловича он же пишет: «Сохранились несколько написанных им строк, которые могли казаться автору стихами».

Ключевский был и мастером антитез. Вот некоторые примеры: «Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутом» — это об эпохе Петра I. Или о воображаемом предке Евгения Онегина: «Он (этот „предок“. — *Д. Л.*) старался стать своим между чужими и только становился чужим между своими». В последнем случае перед нами крестообразная антитеза, которой Ключевский также владел превосходно. Вот пример одной его такой крестообразной антитезы, имеющей непосредственное отношение к нашей теме: «Легкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дело».

Говоря о научных терминах, мы должны вспомнить и об особой роли терминов в исторической науке, когда для научного понятия берется старое слово или целое выражение. Архаизмы, инкрустации в свои работы целых выражений, цитат вполне законны у историков, так как старые явления жизни луч-

ше всего выражаются в старом же языке. Но опять-таки — не следует этим злоупотреблять.

Хорошо, когда образ постепенно разворачивается и имеет многие отражения в описываемом явлении, то есть когда образ соприкасается с описываемым явлением многими сторонами. Но когда он просто повторяется (даже не всегда прямо) — это плохо. У Ключевского в одном месте говорится о том, что кривая половецкая сабля была занесена над Русью, а немного дальше — о том, что кривой ятаган был занесен над Европой. Не совсем точный и удачный образ становится совершенно невозможным от его повторения, хотя бы и варьированного.

Цветистые выражения имеют склонность вновь и вновь всплывать в разных статьях и работах отдельных авторов. Так, у искусствоведов часто повторяются такие выражения, как «звонкий цвет», «приглушенный колорит» и прочая «музыкальность». В последнее время в искусствоведческой критике в моду вошло прилагательное «упругий»: «упругая форма», «упругая линия», «упругая композиция», и даже «упругий цвет». Все это, конечно, от бедности языка, а не оттого, что слово «упругий» чем-то замечательно.

Главное — надо стремиться к тому, чтобы фраза была сразу понята правильно. Для этого большое значение имеет расстановка слов и краткость самой фразы. Например, на странице 79 моей работы «Человек в литературе Древней Руси» (2-е изд., 1970) напечатано: «Вот почему Стефан Пермский называется Епифанием Премудрым „мужественным храбром“...» Фраза двусмысленная. Иная расстановка слов сразу бы ее исправила: «Вот почему Стефан Пермский

называется „мужественным храбром“ Епифанием Премудрым...» Или еще лучше так: «Вот почему Епифаний Премудрый называет Стефана Пермского „мужественным храбром“...»

Внимание читающего должно быть сосредоточено на мысли автора, а не на разгадке того, что автор хотел сказать. Поэтому чем проще, тем лучше. Не следует бояться повторений одного и того же слова, одного и того же оборота. Стилистическое требование не повторять рядом одного и того же слова часто неверно. Это требование не может быть правилом для всех случаев. Язык должен быть, разумеется, богат, и поэтому для разных явлений и понятий надо употреблять разные слова. Употребление одного и того же слова в разном значении может создать путаницу. Этого делать не следует. Однако если говорится об одном и том же явлении, слово употребляется в одном и том же значении, вовсе не надо его менять. Конечно, бывают сложные случаи, которые нельзя предусмотреть. Бывает, что одно и то же понятие (а следовательно, и одно и то же слово) употребляется от бедности самой мысли. Тогда, разумеется, если нельзя усложнить мысль, то надо прийти на помощь мысли стилистически, разнообразя словами тупо вертящуюся мысль. Лучше всего помогать мысли самой мыслью, а не вуалировать словом скудоумие.

О ритмичности и легкости языка. Люди, читая, мысленно произносят текст. Надо, чтобы он произносился легко. И в этом случае основное — в расстановке слов, в построении фразы. Не следует злоупотреблять придаточными предложениями. Стремитесь писать короткими фразами, заботясь о том, чтобы переходы от фразы к фразе были легкими. Имя су-

ществительное (пусть и повторенное) лучше, чем местоимение. Избегайте выражений «в последнем случае», «как выше сказано» и прочее.

Бойтесь пустого красноречия! Язык научной работы должен быть легким, незаметным, красоты в нем недопустимы, а красота его — в чувстве меры.

А в целом следует помнить: нет мысли вне ее выражения в языке и поиски слова — это, в сущности, поиски мысли. Неточности языка происходят прежде всего от неточности мысли. Поэтому ученому, инженеру, экономисту — человеку любой профессии следует заботиться, когда пишешь, прежде всего о точности мысли. Строгое соответствие мысли языку и дает легкость стиля. Язык должен быть прост (я говорю сейчас об обычном и научном языке — не о языке художественной литературы).

Легкость языка бывает ложная: например, «бойкость пера». «Бойкое перо» — не обязательно хороший язык. Надо воспитывать в себе вкус к языку. Дурной вкус губит даже талантливых авторов.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Любите читать!

Каждый человек обязан (я подчеркиваю — обязан) заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой.

Основной (но, разумеется, не единственный) способ интеллектуального развития — чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время — величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Читать следует по

программе, разумеется не следуя ей жестко, отходя от нее там, где появляются дополнительные для читающего интересы. Однако при всех отступлениях от первоначальной программы необходимо составить для себя новую, учитывающую появившиеся новые интересы.

Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания.

Составлять для себя программы чтения не так уж просто, и это нужно делать, советуясь со знающими людьми, с существующими справочными пособиями разного типа.

Опасность чтения — это развитие (сознательное или бессознательное) в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов или к различного вида скоростным методам чтения.

«Скоростное чтение» создает видимость знаний. Его можно допускать лишь в некоторых видах профессий. Остерегайтесь привычки к «скоростному чтению», оно ведет к ослаблению внимания.

Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной обстановке, например на отдыхе или при какой-нибудь не очень сложной и не отвлекающей внимания болезни?

Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание — понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие

эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится — вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно — читайте еще раз, в третий раз. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим-то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-либо другим. «Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках — то они рыли окопы под Ленинградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и порадоваться

предстоящему. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», несколько рассказов Мопассана, былину о Соловье Будимировиче, другую былину о Добрыне Никитиче, повесть о Горе-Злосчастии, басни Крылова, оды Державина и многое-многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы — все, что нравилось им и что постепенно начинало нравиться и нам.

«Незаинтересованное», но интересное чтение — вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все — она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало, он вас отвлекает от забот, он вам диктует — как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете тоже, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Я не говорю: перестаньте смотреть телевизор. Но я говорю: смотрите с выбором. Тратьте свое время на то, что достойно этой траты. Читайте же больше и читайте с величайшим выбором. Определите сами свой выбор, сообра-

зуюсь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классикой. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас?

Классическое произведение — то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, — свое время.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

О личных библиотеках

Сегодня личные библиотеки в очень многих домах. Но мне могут сказать, что вот книги не всегда попадают к тем, кому они нужны. Иногда служат украшением: приобретаются из-за красивых переплетов и т. д. Но и это не так страшно. Книга всегда найдет того, кому она нужна. Например, покупает книгу человек, который украшает ими свою столовую. Но ведь у него могут быть и сын, и племянники. Мы помним, как начинали люди интересоваться литературой — через библиотеки, которые они находили у своего отца или у своих родственников. Так что книга когда-нибудь найдет своего читателя.

Что касается личной библиотеки, то, думаю, к этому вопросу надо подходить очень ответственно. И не

только потому, что личную библиотеку считают визитной карточкой хозяина. Если человек покупает книги только для престижа, то напрасно это делает. В первой же беседе он выдаст себя. Станет ясным, что сам он книг не читал, а если и читал, то не понял.

Свою библиотеку не надо делать слишком большой, не надо заполнять ее книгами «одноразового чтения». Такие книги надо брать в библиотеке. Дома должны быть книги повторного чтения, классики (и притом любимые), а преимущественно — справочники, словари, библиография. Они могут иногда заменить целую библиотеку. Обязательно ведите собственную библиографию и на карточках отмечайте, что в этой книге кажется вам важным и нужным.

Повторяю: если книга вам нужна для однократного чтения, ее приобретать не следует. И искусство составления личных библиотек состоит в том, чтобы воздерживаться от приобретения таких книг.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Будем счастливыми

(Ответ на письмо школьника)

Дорогой Сережа! Ты совершенно прав, любя старые здания, старые вещи — все то, что сопутствовало человеку в прошлом и сопутствует ему в его теперешней жизни. Все это не только вошло в сознание человека, но само как бы что-то восприняло от людей. Казалось бы, вещи материальны, а они стали частью нашей духовной культуры, слились с нашим внутренним миром, который условно можно было бы назвать нашей душой. Ведь мы говорим: «от всей души», или «мне это нужно для души», или «сделано с душой».

Вот так! Все, что сделано с душой, идет от души, нужно нам для души, — это и есть «духовная культура». Чем больше человек окружен этой духовной культурой, погружен в нее, тем он счастливее, тем ему интереснее жить, жизнь приобретает для него содержательность. А в чисто формальном отношении к работе, к учению, к товарищам и знакомым, к музыке, к искусству нет этой духовной культуры. Это и есть бездуховность — жизнь механизма, ничего не чувствующего, неспособного любить, жертвовать собой, иметь нравственные и эстетические идеалы.

Давайте будем людьми счастливыми, то есть имеющими привязанности, любящими глубоко и серьезно что-то значительное, умеющими жертвовать собой ради любимого дела и любимых людей. Люди, не имеющие всего этого, — несчастные, живущие скучной жизнью, растворяющие себя в пустом приобретательстве или мелких, низменных «скоропортящихся» наслаждениях.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

По велению совести

Самое хорошее поведение — то, которое определяется не внешними рекомендациями, а душевной необходимостью. Душевная же необходимость, пожалуй, особенно хороша, когда безотчетна. Поступать правильно надо не думая, не размышляя долго. Безотчетная душевная потребность поступать хорошо, делать людям добро — самое ценное в человеке.

Но душевная потребность эта не всегда присуща человеку от рождения. Она воспитывается в человеке, и воспитывается в основном им же самим — его решимостью жить по правде, по-доброму.

Мы учимся ездить на велосипеде и сперва следуем определенным несложным советам друзей: поворачивать руль в ту сторону, в которую падаешь. А вскоре ездим, не думая уже ни о каких правилах, и ездим хорошо и свободно всю жизнь.

В своих «письмах» я тоже рекомендую несложные правила «ездить на велосипеде» — жить честно, по правде. Но это необходимо только для начала. Жить же нужно интуитивно «по велению совести», не задумываясь находить всегда правильные решения, не заглядывая в книжки. Жить гораздо сложнее, чем ездить на велосипеде. Поэтому и советов приходится давать больше.

Но вот на что обратите внимание. Когда вы только учитесь ездить на велосипеде, когда думаете, куда повернуть, вы затрачиваете множество усилий. А когда научились и не думаете — вы почти неутомимы. И вот мой совет: научитесь не задумываясь, сразу находить правильные решения. Жить будет легко.

Поэтому мои «Письма о добром» должны быть вам нужны только для начала. А потом живите по добру, не думая о «правилах», которые содержатся в «письмах». «Правила» только для начала пути. Стремитесь ходить путями добра так же просто и безотчетно, как вы ходите вообще. Тропинки и дороги нашего прекрасного сада, который зовется окружающим миром, так легки, так удобны, встречи на них так интересны, если только «исходные данные» выбраны вами правильно.

Итак, прочтя, отложите мои «письма» в сторону и сами находите для себя правильные решения, и стремитесь, чтобы все решения шли прямо от сердца.

А я помашу вам вслед...

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Учитесь учиться!

Мы вступаем в век, в котором образование, знания, профессиональные навыки будут играть определяющую роль в судьбе человека. Без знаний, кстати сказать, все усложняющихся, просто нельзя будет работать, приносить пользу. Ибо физический труд возьмут на себя машины, роботы. Даже вычисления будут делаться компьютерами, так же как чертежи, расчеты, отчеты, планирование и т. д. Человек будет вносить новые идеи, думать над тем, над чем не сможет думать машина. А для этого все больше нужна будет общая интеллигентность человека, его способность создавать новое и, конечно, нравственная ответственность, которую никак не сможет нести машина. Этика, простая в предшествующие века, бесконечно усложнится в век науки. Это ясно.

Значит, на человека ляжет тяжелейшая и сложнейшая задача — быть не просто человеком, а человеком науки, человеком, нравственно отвечающим за все, что происходит в век машин и роботов. Общее образование может создать человека будущего, человека творческого, созидателя всего нового и нравственно отвечающего за все, что будет создаваться.

Учение — вот что сейчас нужно молодому человеку с самого малого возраста. Учиться нужно всегда. До конца жизни не только учили, но и учились все крупнейшие ученые. Перестанешь учиться — не сможешь и учить. Ибо знания все растут и усложняются. Нужно при этом помнить, что самое благоприятное время для учения — молодость. Именно в молодости — в детстве, в отрочестве, в юности — ум человека наиболее восприимчив. Восприимчив к изучению

языков (что крайне важно), к математике, к усвоению просто знаний и развитию эстетическому, стоящему рядом с развитием нравственным и отчасти его стимулирующим.

Умейте не терять времени на пустяки, на «отдых», который иногда утомляет больше, чем самая тяжелая работа, не заполняйте свой светлый разум мутными потоками глупой и бесцельной «информации». Берегите себя для учения, для приобретения знаний и навыков, которые только в молодости вы освоите легко и быстро.

И вот тут я слышу тяжкий вздох молодого человека: какую же скучную жизнь вы предлагаете нашей молодежи! Только учиться. А где же отдых, развлечения? Что же нам, и не радоваться?

Да нет же. Приобретение навыков и знаний — это тот же спорт. Учение тяжело, когда мы не умеем найти в нем радость. Надо любить учиться и формы отдыха и развлечений выбирать умные, способные также чему-то научить, развить в нас какие-то способности, которые понадобятся в жизни.

А если не нравится учиться? Быть того не может. Значит, вы просто не открыли той радости, которую приносит ребенку, юноше, девушке приобретение знаний и навыков.

Посмотрите на маленького ребенка — с каким удовольствием он начинает учиться ходить, говорить, копать в различных механизмах (у мальчиков), нянчить кукол (у девочек). Постарайтесь продолжить эту радость освоения нового. Это во многом зависит именно от вас самих. Не зарекайтесь: не люблю учиться! А вы попробуйте любить все предметы, какие проходите в школе. Если другим людям они нравились, то почему вам они не могут не понравиться?

Читайте стоящие книги, а не просто чтиво. Изучайте историю и литературу. И то и другое должен хорошо знать интеллигентный человек. Именно они дают человеку нравственный и эстетический кругозор, делают окружающий мир большим, интересным, излучающим опыт и радость. Если вам что-то не нравится в каком-либо предмете — напрягитесь и постарайтесь найти в нем источник радости, радости приобретения нового.

Учитесь любить учиться!

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Четвертое измерение

Память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным. Если вы не видите за окружающим вас миром его прошлого, он для вас пуст. Вам скучно, вам тоскливо, и вы в конечном счете одиноки, ибо и товарищи для вас — товарищи по-настоящему, когда вас связывает с ними какое-то общее прошлое: окончили ли школу, институт либо работали вместе, а старики помнят с особенной нежностью тех, с кем воевали, пережили какие-то трудности.

Пусть дома, мимо которых мы ходим, пусть города и села, в которых мы живем, пусть даже завод, на котором мы работаем, или корабли, на которых мы плаваем, будут для нас живыми, то есть имеющими прошлое! Жизнь — это не одномоментность существования.

Будем знать историю — историю всего, что нас окружает, в большом и малом масштабах. Это ведь четвертое, очень важное, измерение мира.

Но мы должны не только знать историю всего, что нас окружает, начиная с нашей семьи, продолжая селом или городом и кончая страной и миром, но и хранить эту историю, эту безмерную глубину окружающего.

Обратите внимание: дети и молодые люди особенно любят обычаи, традиционные празднества. Ибо они осваивают мир, осваивают его в традиции, в истории. Будем же активнее защищать все то, что делает нашу жизнь осмысленной, богатой и одухотворенной.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Быть вместе

Меня часто спрашивают: почему в быту совершенно исчезают русские игры — лапта, горелки, городки или рюхи?

Сложный вопрос. Исчезают не только русские игры, исчезают игры вообще. Они заменяются танцами или тем, что называется танцами. А между тем игры очень важны в воспитательном отношении. Игра — будь это лапта, волейбол, горелки или еще какая-нибудь — воспитывает социальность, она воспитывает умение держаться вместе, играть вместе, ощущать партнера, ощущать противника. Это очень важная воспитательная вещь — игра. Игры должны быть возрождены в нашей жизни. Я не вижу, чтобы играли, скажем, в крокет. А крокет — важная игра, потому что в крокет играют и взрослые и дети, это общение взрослых и детей. Это важно. Дома заняты тем, что смотрят телевизор. Вот тут телевизор оказывается

серьезным конкурентом. А раньше играли в цифровое лото, играли дети, играли взрослые, и это служило общению взрослых и детей, это был один из моментов, очень важный в воспитательном отношении. Но не только лото — существовали разные игры, в которых принимала участие вся семья. Так же, как, скажем, вся семья на Севере где-нибудь принимала участие в пении хоровых народных песен. Это важный момент, потому что хор — он не только доставляет эстетическое удовольствие, он нравственно организует семью, нравственно организует общество, собравшееся где-то в деревне, в зимнюю пору, при выюге снежной. Поют — люди общаются друг с другом, они вступают в контакт. А как мало у нас сейчас контактов между людьми! Они очень важны, непосредственные контакты, контакты интуитивные какие-то, которые вот в играх, в хоровом пении, в музыке организовывались. Потому на эту сторону нашего быта, на то, что уходят из нашего быта игры, надо обратить внимание педагогическим организациям. И не сделать ли уроки физкультуры в наших школах игровыми? Это давало бы одновременно и физическое развитие, и нравственное и объединяло бы класс.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Путешествуйте!

Одна из самых больших ценностей жизни — поездки. При этом остерегайтесь делить поездки на интересные и неинтересные, а места, которые посетили, на значительные и незначительные. Даже степени значительности посещенных вами мест старайтесь

не устанавливать. Делите поездки на те, к которым вы подготовились, и те, к которым не подготовились или подготовились плохо. Любой город, любая страна, любое место, к поездке в которые вы не подготовились, — неинтересны и скучны. И наоборот, если вы знаете историю места, оно становится в десять раз интереснее.

Что значит подготовиться к поездке в незнакомый город — город, в котором вы еще не бывали? Это значит изучить его историю, знать его планировку, хотя бы по туристическим схемам, отметить на карте заранее все места, которые нужно посетить, и примерные маршруты, чтобы не терять времени.

Не упускайте случая находить интересное даже там, где вам кажется неинтересно. На земле нет неинтересных мест — есть только неинтересующиеся люди, люди, не умеющие находить интересное, внутренне скучные.

Мне всегда неприятны люди, которые, посещая новые для них места, со скучающим видом говорят своим спутникам: «А вот я был в Париже... так там...» Надо уметь погружаться в атмосферу того места, куда вас забросила судьба, и всюду уметь находить свое, характерное. Умение это, конечно, дается не одним абстрактным желанием, но и знаниями. И особенно важны знания, приобретенные еще до поездки.

Всегда интересны впечатления художников. Читайте записки и воспоминания художников об их поездках! Не знаю почему, но все художники удивительно хорошо пишут. Чудесные писатели — Коровин, Бёнуа, Добужинский, Грабарь...

Как они умели смотреть и видеть, а затем запечатлевать увиденное не только в живописи, но и в своих записках!

М. В. Добужинский пишет в своих воспоминаниях, какое огромное впечатление на него в молодости произвели Мюнхен, Венеция и Париж, впервые им посещенные. В Россию ему пришлось вернуться внезапно (за границей неожиданно умер маленький сын Добужинских, которого они решили похоронить в родном Вильнюсе). И вот после Мюнхена, Парижа и Венеции он оказывается среди маленьких литовских кладбищ. И вот что он пишет:

«Мы с женой часто ездили в коляске по шоссе, или через лес в сторону Немана, или вдоль полей, и я видел снова печальный и милый литовский пейзаж: песчаные поля, и, как зеленые оазисы, среди них романтические кладбища со щетиной высоких крестов и сосен, и серое осеннее небо, с медленно летящей одинокой вороной.

Эти кладбища, резные литовские кресты, леса на горизонте и бедное местечко Олиту, где стоял красный старый деревянный костел, я знал и любил еще до Мюнхена, но теперь — после всего, что я видел за границей, — этот уголок показался мне своеобразным чрезвычайно.

Мы побывали в Вильно — и снова мой любимый город меня очаровал. И в будущем Вильно с его восхитительным, изящным барокко — после каждого моего путешествия за границу, когда проездом в Петербург я туда заезжал, — всегда выдерживал экзамен в сравнении».

Вот это настоящий результат по-настоящему интеллигентного человека от его поездок и путешествий: для внутренне богатого человека весь окружающий мир неисчерпаемо богат.

И второе: поездки воспитывают оседлость, оседлость нравственную, любовь к родному.

Когда доведется бывать в новом городе, смотреть знаменитые произведения искусства или знаменитые пейзажи, не поддавайтесь тому, что о них слышали, читали, о чем вам «прожужжали уши». Многое из того, что вы прочитали, поможет понять красоту и ценность увиденного, но может отчасти и помешать собственному, индивидуально вашему впечатлению. Цените свое, но цените искренне и не старайтесь противоречить общему мнению во что бы то ни стало (такое тоже часто встречается у самолюбивых людей).

Приведу пример из собственных впечатлений (хотите — примите эти впечатления, хотите — нет). Я старый петербуржец. Я родился в Петербурге, и там же родились мои родители, прародители. С XVIII века предки мои жили в Петербурге.

Мне с детства постоянно внушали, как красива Нева. Как торжественен центр Невы, как торжествен на Неве ход ладожского льда, какую пышность придает городу игла Петропавловской крепости, как красив традиционный полуденный, ровно в 12 часов, выстрел из пушки Петропавловской крепости.

Что центр Невы в самом ее широком месте красив — спору нет. Но почему-то этот центр навевает на меня тоску. Это одно из самых печальных и тоскливых мест, которые я видел в своем городе, особенно когда от Зимней канавки смотришь на Петропавловскую крепость. Сердце сжимается тоской... Может быть, я с детства слышал об узниках крепости и особенное впечатление на меня произвела в детстве ужасная легенда о княжне Таракановой, затопленной в своей камере ворвавшимся наводнением? Не знаю. И красивейший в мире весенний ледоход так ассоциируется во мне с темой бренности всего существующего.

А как хороши в Петербурге более интимные места — особенно каналы! Что может быть красивее удивительных уголков, открывающихся, когда гуляешь по Мойке (например, у последней квартиры Пушкина), по каналу Грибоедова (особенно у мостика с грифонами), по Крюкову каналу (вспомните о колокольне, построенной Чевакинским у «Николы Морского»), по Фонтанке. Одно из красивейших мест в Петербурге — Новая Голландия, и особенно ворота в ней Деламота (хочется сказать «врата»), пропускающие в себя канал, по которому подвозили товары на склады. Я особенно люблю канал Грибоедова, где в строгой планировке улиц он делает извив, напоминающий латинскую букву S: посмотришь вперед — канал с чудесным мостом через него. Посмотришь назад — опять тот же канал. Канал вносит оживление в казенный порядок улиц, и не случайно Достоевский сделал эти улицы местом действия своего романа «Преступление и наказание». Рассуждения Раскольникова мнимо упорядочивают жизнь, а она на самом деле течет по своим законам. Вода в канале течет, как течет жизнь. Канал, или «канавка», как ее называет Достоевский, «размыл» строгую и жестоко казенную планировку улиц. Пройдите из конца в конец канал Грибоедова, Мойку, канал Круштейна... А в Москве пройдите весь старый Арбат, Сивцев Вражек, улицу Кропоткина.

Город наводит на размышления. На размышления наводит Орел — в той его части, где происходило действие «Дворянского гнезда» Тургенева, или река Орлик, на которой жил герой прекрасного произведения Н. С. Лескова — «Несмертельный Голован». А замечательнейшие бульвары по берегам волжских

городов — Ульяновска, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода... Разве не заставляют они нас думать вместе с Островским, Горьким, Гончаровым?!

Путешествия многое нам открывают, о многом заставляют думать, мечтать.

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ

Нравственные вершины и отношение к ним

Вот о чем хотелось бы сказать. В «Заметках о русском» и в «Диалогах о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем» я уже обращал внимание на некоторые черты русского характера, на которые в последнее время как-то не принято обращать внимание: на доброту, открытость, терпимость, отсутствие национального чванства и проч. Читатель вправе спросить: а куда ж девались в «Заметках» отрицательные черты русского человека? Разве русским свойственны одни только положительные черты, а другие народы их лишены? На последний вопрос читатель при желании найдет ответ в самих «Заметках»: я говорю в них не только о русском народе. А что касается первого вопроса — о русских недостатках, — то я вовсе не считаю русский народ их лишенным: напротив, их у него много, но... Можем ли мы характеризовать народ по его «недостаткам» — не лучшим его представителям? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятни-

ками, улицами, лучшими видами, «городскими ландшафтами». Мы же подходим к представлениям о народе: народ как создание искусства. Такова моя позиция в «Заметках» в подходе к любому из народов.

О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Быть благожелательным к любому народу, самому малочисленному! Эта позиция самая верная, самая благородная. Вообще говоря, любая недоброжелательность всегда воздвигает стену непонимания.

Благожелательность, напротив, открывает пути правильного познания.

Самолет не падает на землю не потому, что он крыльями «опирается на воздух», а потому, что он подсасывается кверху, к небу... В народе самое главное — его идеалы.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Круг «нравственной оседлости»

Как воспитывать в себе и в других «нравственную оседлость» — привязанность к своей семье, к своему дому, селу, городу, стране?

Я думаю, что это — дело не только школы, но и семьи.

Привязанность к семье и дому создается не нарочно, не лекциями и наставлениями, а прежде всего той атмосферой, которая царит в семье. Если в семье есть общие интересы, общие развлечения, общий отдых, то и это очень много. Ну а если дома изредка рассматривают семейные альбомы, ухаживают за могилами родных, рассказывают о том, как жили их прабабушки и прадедушки, то это вдвойне много. Почти

у каждого жителя города кто-то из предков приехал из далекого или близкого села, и село это тоже должно оставаться родным. Хоть изредка, но в него нужно наезжать всей семьей, всем вместе, заботиться о сохранении в нем памяти прошлого и радоваться успехам настоящего. А если и нет родного села или родных сел, то совместные поездки по стране запечатлеваются в памяти гораздо больше, чем индивидуальные. Видеть, слушать, запоминать, и все это с любовью к людям, — как это важно! Замечать доброе совсем не так просто. Нельзя ценить людей только за их ум и интеллигентность: цените их за доброту, за их труд, за то, что они представители своего круга — односельчане или соученики, однокорожане или просто в чем-то «свои», «особенные».

Круг нравственной оседлости очень широк.

На одном я бы хотел остановиться особенно: на нашем отношении к могилам и кладбищам.

Очень часто градостроителей-архитекторов раздражает наличие кладбища в черте города. Они стремятся его уничтожить, превратить в сад, а между тем кладбище — это элемент города, своеобразная и очень ценная часть городской архитектуры.

Могилы делались с любовью. Надгробные памятники воплощали в себе признательность к покойному, стремление увековечить его память. Поэтому они так разнообразны, индивидуальны и всегда по-своему любопытны. Читая забытые имена, иногда разыскивая похороненных здесь известных людей, своих родных или просто знакомых, посетители в какой-то мере учатся «мудрости жизни». Многие кладбища по-своему поэтичны. Поэтому роль одиноких могил или кладбищ в воспитании «нравственной оседлости» очень велика.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Понимать искусство

Итак, жизнь — самая большая ценность, какой обладает человек. Если сравнить жизнь с драгоценным дворцом со многими залами, которые тянутся бесконечными анфиладами, которые все щедро разнообразны и все не похожи друг на друга, то самый большой зал в этом дворце, настоящий «тронный зал», — это зал, в котором царствует искусство. Это зал удивительных волшебств. И первое волшебство, которое он совершает, происходит не только с самим обладателем дворца, но и со всеми в него приглашенными на торжество.

Это зал бесконечных празднеств, которые делают всю жизнь человека интереснее, торжественнее, веселее, значительнее... Я не знаю, какими эпитетами еще выразить свой восторг перед искусством, перед его произведениями, перед той ролью, которую оно играет в жизни человечества. И самая большая ценность, которой награждает человека искусство, — это ценность доброты. Награжденный даром понимать искусство человек становится нравственно лучше, а следовательно, и счастливее. Да, счастливее! Ибо награжденный через искусство даром доброго понимания мира, окружающих его людей, прошлого и далекого человек легче дружит с другими людьми, с другими культурами, с другими национальностями, ему легче жить.

Е. А. Маймин в своей книге для учащихся старших классов «Искусство мыслит образами»¹ пишет: «Открытия, которые мы делаем с помощью искусства,

¹ Маймин Е. А. Искусство мыслит образами. М., 1977. С. 13–14.

не только живые и впечатляющие, но и добрые открытия. Знание действительности, приходящее через искусство, есть знание, согретое человеческим чувством, сочувствием. Это свойство искусства и делает его общественным явлением неизмеримого нравственного значения. Гоголь писал о театре: „Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра“. Источником доброго является всякое подлинное искусство. Оно в самой основе своей нравственно именно потому, что вызывает в читателе, в зрителе — во всяком, кто его воспринимает, — сопереживание и сочувствие к людям, ко всему человечеству. Лев Толстой говорил об „объединяющем начале“ искусства и придавал этому его качеству первостепенное значение. Благодаря своей образной форме искусство наилучшим способом приобщает человека к человечеству: заставляет с бóльшим вниманием и пониманием относиться к чужой боли, к чужой радости. Оно делает эту чужую боль и радость в значительной мере своими... Искусство в самом глубоком смысле этого слова человечно. Оно идет от человека и ведет к человеку — к самому живому, доброму, к самому лучшему в нем. Оно служит единению человеческих душ». Хорошо, очень хорошо сказано! И ряд мыслей здесь звучат как прекрасные афоризмы.

Богатства, которые дает человеку понимание произведений искусства, невозможно отнять у человека, и они всюду, их надо только увидеть.

А зло в человеке всегда связано с непониманием другого человека, с мучительным чувством зависти, с еще более мучительным чувством недоброжелательности, с недовольством своим положением в обществе, с вечной, снедающей человека злобой, ра-

зочарованием в жизни. Злой человек казнит себя своею злобою. Он погружает в тьму прежде всего самого себя.

Искусство освещает и одновременно освящает жизнь человека. И снова повторяю: оно делает его добрее, а следовательно, счастливее.

Но понимать произведения искусства далеко не просто. Этому надо учиться — учиться долго, всю жизнь. Ибо остановки в расширении своего понимания искусства не может быть. Может быть только отступление назад — в тьму непонимания. Ведь искусство сталкивает нас все время с новыми и новыми явлениями, и в этом громадная щедрость искусства. Открылись нам во дворце одни двери, за ними черед открытия другим.

Как же научиться понимать искусство? Как совершенствоваться в себе это понимание? Какими качествами нужно для этого обладать?

Я не берусь давать рецепты. Я ничего не хочу утверждать категорически. Но то качество, которое мне все же представляется наиболее важным в настоящем понимании искусства, — это искренность, честность, открытость к восприятию искусства.

Пониманию искусства следует учиться прежде всего у самого себя — у своей искренности.

Часто говорят про кого-нибудь: у него врожденный вкус. Вовсе нет! Если вы приглянитесь к тем людям, о которых можно сказать, что они обладают вкусом, то заметите одну общую черту: они честны и искренни в своей восприимчивости. Я никогда не замечал, чтобы вкус передавался по наследству. Вкус, я думаю, не входит в число свойств, которые передаются генами. Хотя семья воспитывает вкус и от семьи, ее интеллигентности многое зависит.

Не следует подходить к произведению искусства предвзято, исходя из устоявшегося «мнения», из моды, из взглядов своих друзей или отталкиваясь от взглядов недругов. С произведением искусства надо уметь оставаться «один на один».

Если в своем понимании произведений искусства вы станете следовать моде, мнению других, стремлению казаться изысканным и утонченным, вы заглушите в себе радость, которую дает жизнь искусству, а искусство — жизни.

Притворившись понимающим то, чего вы не понимаете, вы обманули не других, а самого себя. Вы пытаетесь убедить и самого себя, что что-то поняли, а радость, которую дает искусство, непосредственна, как и всякая радость.

Нравится — так и говорите себе и другим, что нравится. Только не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке. Уважайте в себе и в других свое отношение к искусству и помните мудрое правило: о вкусах не спорят.

Значит ли это, что надо полностью замкнуться в себе и удовлетвориться собой, своим отношением к тем или иным произведениям искусства? «Мне это нравится, а это не нравится» — и на этом точка. Ни в коем случае!

В своем отношении к произведениям искусства не следует быть успокоенным, следует стремиться к тому, чтобы понять то, чего не понимаешь, и углубить свое понимание того, что уже частично понял. А понимание произведения искусства всегда непол-

ное. Ибо настоящее произведение искусства «неистотоцимо» в своих богатствах.

Не следует, как я уже сказал, исходить из мнения других, но к мнению других надо прислушиваться, считаться с ним. Если это мнение других о произведении искусства отрицательное, оно по большей части не очень интересно. Интереснее другое: если многими высказывается положительный взгляд. Если какого-то художника, какую-то художественную школу понимают тысячи, то было бы самонадеянным утверждать, что все ошибаются, а правы только вы.

Конечно, о вкусах не спорят, но вкус развивают — в себе и в других. Можно стремиться понять то, что понимают другие, особенно если этих других много. Не могут же многие и многие быть просто обманщиками, если они утверждают, что что-то им нравится, если живописец или композитор, поэт или скульптор пользуются огромным и даже мировым признанием. Впрочем, бывает мода и бывает ничем не оправданное непризнание нового или чужого, зараженность даже ненавистью к «чужому», к слишком сложному и т. д.

Весь вопрос только в том, что нельзя понять сразу сложное, не поняв ранее более простое. Во всяком понимании — научном или художественном — нельзя перескакивать через ступени. К пониманию классической музыки надо быть подготовленным знанием основ музыкального искусства. То же в живописи или в поэзии. Нельзя овладеть высшей математикой, не зная элементарной.

Искренность в отношении к искусству — это первое условие его понимания, но первое условие — еще не все. Для понимания искусства нужны еще знания.

Фактические сведения по истории искусства, по истории памятника и биографические сведения о его создателе помогают эстетическому восприятию искусства, оставляя его свободным. Они не принуждают читателя, зрителя или слушателя к какой-то определенной оценке или определенному отношению к произведению искусства, но, как бы «комментируя» его, облегчают понимание.

Фактические сведения нужны прежде всего для того, чтобы восприятие произведения искусства совершалось в исторической перспективе, было пронизано историзмом, ибо эстетическое отношение к памятнику всегда и историческое. Если перед нами памятник современный, то и современность есть определенный момент в истории, и мы должны знать, что памятник создан в наши дни. Если мы знаем, что памятник создан в Древнем Египте, это создает к нему историческое отношение, помогает его восприятию. А для более острого восприятия древнеегипетского искусства потребуется знание еще и того, в какую эпоху истории Древнего Египта создан тот или иной памятник.

Знания раскрывают нам двери, но войти в них мы должны сами. И особенно хочется подчеркнуть значение деталей. Иногда мелочь позволяет нам проникнуть в главное. Как важно знать, для чего писалась или рисовалась та или иная вещь!

Как-то в Эрмитаже была выставка работавшего в России в конце XVIII — начале XIX века декоратора и строителя садов Павловска Пьетро Гонзаго. Его рисунки — главным образом на архитектурные сюжеты — поразительны по красоте построения перспективы. Он даже щеголяет своим мастерством, подчеркивая все линии, горизонтальные в натуре, но в рисун-

ках сходящиеся на горизонте — как это и полагается при построении перспективы. Сколько у него этих горизонтальных в натуре линий! Карнизы, крыши.

И всюду горизонтальные линии сделаны чуть жирнее, чем следует, а некоторые линии выходят за пределы «необходимости», за пределы тех, что в натуре.

Но вот еще одна удивительная вещь: точка зрения на все эти чудные перспективы у Гонзаго всегда выбрана как бы снизу. Почему? Ведь зритель-то держит рисунок прямо перед собой. Да потому, что это все эскизы театрального декоратора, рисунки декоратора, а в театре зрительный зал (во всяком случае, места для наиболее «важных» посетителей) внизу, и Гонзаго рассчитывает свои композиции на зрителя, сидящего в партере.

Это надо знать.

Всегда, чтобы понимать произведения искусства, надо знать условия творчества, цели творчества, личность художника и эпоху. Искусство нельзя «поймать голыми руками». Зритель, слушатель, читатель должны быть «вооружены» — вооружены знаниями, сведениями. Вот почему такое большое значение имеют вступительные статьи, комментарии и вообще работы по искусству, литературе, музыке.

Вооружайтесь знаниями! Недаром говорится: знание — это сила. Но это не только сила в науке, это сила в искусстве. Искусство недоступно бессильному.

Оружие знания — мирное оружие.

Если до конца понять народное искусство и не смотреть на него как на «примитивное», то оно может служить исходной точкой для понимания всякого искусства — как некоей радости, самостоятельной ценности, независимости от различных, мешающих

восприятию искусства требований (вроде требования безусловной «похожести» в первую очередь). Народное творчество учит понимать условность искусства.

Почему это так? Почему все-таки именно народное искусство служит этим исходным и наилучшим учителем? Потому, что в народном искусстве воплотился опыт тысячелетий. Деление людей на «культурных» и «некультурных» часто вызвано крайним сомнением и собственной переоценкой «горожан». Крестьяне имеют свою сложную культуру, которая выражается не только в изумительном фольклоре (возьмите хотя бы глубокую по своему содержанию традиционную русскую крестьянскую песню), не только в народном искусстве и народном деревянном зодчестве на Севере, но и в сложном быте, сложных крестьянских правилах вежливости, прекрасном русском свадебном обряде, обряде приема гостей, общей семейной крестьянской трапезе, сложных трудовых обычаях и трудовых празднествах.

Обычаи создаются не зря. Они тоже результат многовекового отбора по их целесообразности, а искусство народа — отбора по красоте. Это не значит, что традиционные формы всегда наилучшие и всегда нужно им следовать. Надо стремиться к новому, к художественным открытиям (традиционные формы тоже были в свое время открытиями), но новое должно создаваться с учетом прежнего, традиционного, как итог, а не как отмена старого и накопленного.

* * *

Народное искусство многое дает для понимания скульптуры. Чувство материала — его весомости, плотности, красоты формы — отчетливо видно в дере-

вянной деревенской посуде: в резных деревянных солоницах, в деревянных ковшах-скопарях, которые ставились на праздничный деревенский стол. И. Я. Богуславская пишет в своей книге «Северные сокровища»¹ о ковшах-скопарях и солоницах, делавшихся в форме утицы: «Образ плывущей, величаво-спокойной, горделивой птицы украшал стол, оведал застолье поэзией народных преданий. Многими поколениями мастеров создавалась совершенная форма этих предметов, совместившая скульптурный пластический образ с удобной вместительной чашей. Плавные очертания, волнообразные линии силуэта словно вобрали в себя медленный ритм движения воды. Так реальный прообраз одухотворил бытовую вещь, придал убедительную выразительность условной форме. Еще в древности она утвердилась как национальный тип русской посуды».

Форма народных произведений искусства — это форма, художественно отточенная временем. Такой же отточенностью обладают и коньки на крышах деревенских северных изб. Недаром этих «коней» сделал символом одного из своих замечательных произведений советский писатель, наш современник, Федор Абрамов («Кони»).

Что такое эти «кони»? На крыши деревенских изб, чтобы придавить концы кровельных досок, придать им устойчивость, клалось огромное тяжелое бревно. Бревно это имело одним из концов целый комель², из которого топором высекалась голова и могучая грудь коня. Конь этот выступал над фронтоном и был

¹ Богуславская И. Я. Северные сокровища. Архангельск, 1980. С. 10–11.

² Кóмель — прилегающая к корню массивная часть дерева.

как бы символом семейной жизни в избе. И какой чудесной формой обладал этот конь! В нем одновременно ощущалась мощь материала, из которого он сделан, — многолетнего, медленно растущего дерева, — и величие коня, его власти не только над домом, но и над окружающим пространством. Знаменитый английский скульптор Генри Мур словно учился своей пластической силе у этих русских коней. Г. Мур рассекал свои могучие полулежащие фигуры на части. Зачем? Этим он подчеркивал их монументальность, их силу, их тяжесть. И то же происходило с деревянными конями северных русских изб. В бревне образовывались глубокие трещины. Трещины бывали еще и до того, как к бревну прикоснется топор, но это не смущало северных скульпторов. Они привыкли к этому «рассечению материала». Ибо без трещин не обходились и бревна изб, и деревянная скульптура балясин. Так народная скульптура учит понимать сложнейшие эстетические принципы современной скульптуры.

Народное искусство не только учит, но и является основой многих современных художественных произведений.

В ранний период своего творчества Марк Шагал шел от народного искусства Белоруссии: от его красочных принципов и приемов композиции, от жизнерадостного содержания этих композиций, в которых радость выражается в полете человека, домики кажутся игрушками и мечта соединяется с действительностью. В его яркой и пестрой живописи преобладают любимые народом цветовые оттенки красного, ярко-голубого, а кони и коровы смотрят на зрителя грустными человеческими глазами. Даже долгая жизнь на

Западе не смогла оторвать его искусство от этих народных белорусских истоков.

Пониманию многих сложнейших произведений живописи и скульптуры учат глиняные игрушки Вятки или северная плотницкая деревянная игрушка.

Знаменитый французский архитектор Корбюзье многие из своих архитектурных приемов, по собственному признанию, заимствовал в формах народной архитектуры города Охрида: в частности, именно оттуда он почерпнул приемы независимой постановки этажей. Верхний этаж поставлен чуть боком к нижнему, чтобы из его окон открывался отличный вид на улицу, горы или озеро.

Иногда точка зрения, с которой подходят к произведению искусства, бывает явно недостаточна. Вот обычная «недостаточность»: портрет рассматривают только так: «похож» он или «не похож» на оригинал. Если «не похож» — это вообще не портрет, хотя это, может быть, прекрасное произведение искусства. А если просто «похож»? Достаточно ли этого? Ведь искать похожести лучше всего в художественной фотографии. Тут не только похожесть, но и документ: все морщинки и прыщики на месте.

Что же нужно в портрете, чтобы он был произведением искусства, кроме простой похожести? Во-первых, сама похожесть может быть разной глубины проникновения в духовную суть человека. Это знают и хорошие фотографы, стремящиеся ухватить подходящий момент для съемки, чтобы не было в лице напряженности, связанной обычно с ожиданием съемки, чтобы выражение лица было характерным, чтобы положение тела было свободным и индивидуальным, свойственным данному человеку. От такой

«внутренней похожести» зависит, станет ли портрет или фотография произведением искусства. Но дело еще и в другой красоте: в красоте цвета, линий, композиции. Если вы привыкли отождествлять красоту портрета с красотой того, кто изображен на нем, и думаете, что не может быть особой, живописной или графической красоты портрета, независимости от красоты изображаемого лица, — вы еще не можете понимать портретной живописи.

То, что было сказано о портретной живописи, еще в большей мере относится к пейзажной. Это тоже «портреты», только портреты природы. И здесь нужна похожесть, но в еще большей мере нужна красота живописи, умение понять и отобразить «душу» данного места, «гений местности». Но можно живописцу изображать природу и с сильными «поправками» — не ту, что есть, но ту, которую хочется изобразить по тем или иным серьезным основаниям. Впрочем, если художник ставит себе целью не просто создать картину, а изобразить определенное место в природе или в городе, дает на своей картине определенные признаки определенного же места, — отсутствие сходства становится крупным недостатком.

Ну а если художник поставил себе целью изобразить не просто пейзаж, а только краски весны: молодую зелень березы, цвет березовой коры, весенний цвет неба — и все это расположил произвольно — так, чтобы красота этих весенних красок выявилась с наибольшей полнотой? Надо терпимо отнестись и к такому опыту и не предъявлять художнику тех требований, которые он не стремился удовлетворить.

Ну а если пойдем дальше и представим себе художника, который будет стремиться выразить что-то

свое только путем сочетания красок, композицией или линиями, не стремясь к похожести на что-либо вообще? Просто выразить какое-то настроение, какое-то свое понимание мира. Прежде чем отмахнуться от такого рода опытов, необходимо внимательно подумать. Не все, чего мы не понимаем с первого взгляда, следует отметить и отвергать. Слишком много мы могли бы наделать ошибок. Ведь и серьезную, классическую музыку нельзя понять, не занимаясь музыкой.

Чтобы понимать серьезную живопись, надо учиться.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

О человеческом в искусстве

В предыдущем письме я сказал: обращайтесь внимание на детали. Теперь я хочу сказать о тех деталях, которые особенно следует, как мне кажется, ценить сами по себе. Это детали, мелочи, свидетельствующие о простых человеческих чувствах, о человечности. Они могут быть и без людей — в пейзаже, в жизни животных, но чаще всего в отношениях между людьми.

Древнерусские иконы очень «каноничны». Это традиционное искусство. И тем ценнее в них все, что отступает от каноничности, что дает выход человеческому отношению художника к изображаемому. В одной иконе «Рождества Христова», где действие происходит в пещере для животных, изображена маленькая овечка, которая лижет шейку другой овце — побольше. Может быть, это дочь ласкается к матери? Эта деталь совсем не предусмотрена строгими

иконографическими нормами композиции «Рождества», поэтому она кажется особенно трогательной. Среди очень «официального» — вдруг такая милая деталь...

В стенописях XVII века московской церкви в Никитниках вдруг среди трафаретного пейзажа изображена молоденькая березка, да такая «русская», трогательная, что сразу веришь, что художник умел ценить русскую природу.

Сохранились автобиографические произведения монахов Рильского монастыря в Болгарии. Одна такая автобиография XIX века рассказывает жизнь монаха, собиравшего пожертвования на монастырь. И он бывал в очень бедственных положениях: иногда перед ним закрывались двери домов, его не пускали ночевать, часто ему нечего было есть (из пожертвованных на монастырь денег себе он ничего не брал) и т. д. И вот он восклицает в одном месте своих записок: «О, монастырь мой, монастырь, как там тепло и сытно!» Заканчивается рассказ этого монаха трафаретным проклятием тому, кто испортит книгу, исказит текст и прочее. Но дальше он пишет: «Если я это пишу, то не подумайте обо мне плохо, что я злой и дурной!» Правда трогательно? Примите во внимание, что «проклятия» эти неряшливому читателю и невнимательному переписчику были обычным трафаретом, так заканчивались многие рукописи.

А вот глубоко человеческое чувство из замечательной переписки Аввакума с боярыней Ф. П. Морозовой — той самой, что изображена на картине Сурикова, находящейся в Третьяковской галерее.

Аввакум в письме к боярыне Морозовой, написанном в превыспренних и витиеватых выражениях,

под конец утешает ее в смерти любимого малолетнего сына: «И тебе уже неково четками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадке поедет, и по головке неково погладить, — помнишь ли, как бывало». А в конце пишет ей еще: «И тово, полно: побоярила, надобе по-пасть в небесное боярство».

Та же боярыня Морозова пишет протопопу Аввакуму: «За умножение грехов моих отовсюду великая буря на душу мою, а я грешница нетерпелива». В чем же она «нетерпелива»? Заботится она о том, чтобы старшему сыну найти «супружницу» хорошую. Три достоинства нужны, по ее мнению, для этой «супружницы»: чтобы она была «благочестива и нищелюбива и странноприимица». И далее спрашивает: «Где мне взять — из добрыя ли породы, или из обышняя? Которыя породю полутче девицы, те похуже, а те девицы лутче, которыя породю похуже». Ведь наблюдение это говорит об уме боярыни, об отсутствии у нее боярской спеси.

Принято было думать, что в Древней Руси якобы плохо понимали красоту природы. Основывалось это мнение на том, что в древнерусских произведениях редки подробные описания природы, нет пейзажей, какие есть в новой литературе. Но вот что пишет митрополит Даниил в XVI веке: «И аща хощеша прохладитися (то есть отдохнуть от работы. — *Д. Л.*) — изыди на преддверие храма твоего (твоего дома. — *Д. Л.*) и виждь небо, солнце, луну, звезды, облака, ови высоци, ови же низайше, и в сих прохладжайся».

Я не привожу примеры из произведений общеизвестных, признанных высокохудожественными. Сколько этих трогательных человеческих эпизодов в «Войне и мире», особенно во всем том, что связано

с семьей Ростовых, или в «Капитанской дочке» Пушкина, да в любом художественном произведении! Не за них ли мы любим Диккенса, «Записки охотника» Тургенева, чудесную «Траву-мураву» Федора Абрамова или «Мастера и Маргариту» Булгакова?!

Человечность всегда была одним из важнейших явлений литературы — большой и маленькой. Стоит искать эти проявления простых человеческих чувств и забот. Они драгоценны. А особенно драгоценны они, когда их находишь в переписке, в воспоминаниях, в документах. Есть, например, ряд документов, свидетельствующих о том, как простые крестьяне уклонялись под разными предлогами от участия в строительстве острога в Пустозерске, где узником должен был быть Аввакум. И притом решительно все, единодушно! Их увертки, почти детские, выказывают в них простых и добрых людей.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ **О русской природе**

У природы есть своя культура. Хаос — вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) — состояние природы противоестественное.

В чем же выражается культура природы? Будем говорить о живой природе. Прежде всего она живет обществом, сообществом. Существуют «растительные ассоциации»: деревья живут не вперемешку, а известные породы совмещаются с другими, но далеко не со всеми. Сосны, например, имеют соседями определенные лишайники, мхи, грибы, кусты и т. д. Это знает каждый грибник. Известные правила поведения

свойственны не только животным, но и растениям. Деревья тянутся к солнцу по-разному — иногда шапками, чтобы не мешать друг другу, а иногда раскидисто, чтобы прикрывать и беречь другую породу деревьев, начинающую подрастать под их покровом. Под покровом ольхи растет сосна. Сосна вырастает, и тогда отмирает сделавшая свое дело ольха. Я наблюдал этот многолетний процесс под Ленинградом, в Токсове, где во время Первой мировой войны были вырублены все сосны и сосновые леса сменились зарослями ольхи, которая затем прилежала под своими ветвями молоденькие сосенки. Теперь там снова сосны.

Природа по-своему «социальна». «Социальность» ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот, в свою очередь, социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов до конца, не засоряет рек...

Русский крестьянин своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. Он пахал землю и тем задавал ей определенные габариты. Он клал меру своей пашне, проходя по ней с плугом. Рубежи в русской природе соразмерны труду человека и его лошади, его способности пройти с лошадьёю за сохой или плугом, прежде чем повернуть назад, а потом снова вперед. Приглаживая землю, человек убирал в ней все резкие грани, бугры, камни. Русская природа мягкая, она ухожена крестьянином по-своему. Хожения крестьянина за плугом, сохой, бороной не только создавали «полосыньки» ржи, но ровняли границы леса, формировали его опушки, создавали плавные переходы от леса к полю, от поля к реке.

Поэзия преобразования природы трудом пахаря хорошо передана А. Кольцовым в «Песне пахаря», начинающейся понуканием сивки:

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Русский пейзаж в основном создавался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчавшего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно приносил в нее человек. Ландшафт создавался, с одной стороны, природой, готовой освоить и прикрыть все, что так или иначе нарушил человек, и с другой — человеком, смягчившим землю своим трудом и смягчавшим пейзаж. Обе культуры как бы поправляли друг друга и создавали ее человечность и приволье.

Природа Восточно-Европейской равнины кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть «путями сообщения», и с небом, не заслоненным густыми лесами, с покатыми холмами и бесконечными, плавно обтекающими все возвышенности дорогами.

И с какою тщательностью гладил человек холмы, спуски и подъемы! Здесь опыт пахаря создавал эстетику параллельных линий — линий, идущих в унисон друг с другом и с природой, точно голоса в древнерусских песнопениях. Пахарь укладывал борозду к борозде — как причесывал, как укладывал волосок к волоску. Так кладется в избе бревно к бревну, плаха к плахе, в изгороди — жердь к жерди, а сами избы вы-

страиваются в ритмичный ряд над рекой или вдоль дороги — как стадо, вышедшее на водопой.

Поэтому отношения природы и человека — это отношения двух культур, каждая из которых по-своему «социальна», общезнательна, обладает своими «правилами поведения». И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития, причем развитие человеческой культуры совершается под воздействием природы издавна (с тех пор как существует человечество), а развитие природы с ее многомиллионнолетним существованием — сравнительно недавно и не всюду под воздействием человеческой культуры. Одна (культура природы) может существовать без другой (человеческой), а другая (человеческая) не может. Но все же в течение многих минувших веков между природой и человеком существовало равновесие. Казалось бы, оно должно было оставлять обе части равными. Но нет, равновесие всюду свое и всюду на какой-то своей, особой основе, со своей осью. На севере в России было больше «природы», а чем дальше на юг и ближе к степи, тем больше «человека».

Тот, кто бывал в Кижях, видел, вероятно, как вдоль всего острова тянется, точно хребет гигантского животного, каменная гряда. Около этого хребта бежит дорога. Хребет образовывался столетиями. Крестьяне освобождали свои поля от камней — валунов и булыжников — и сваливали их здесь, у дороги. Образовался ухоженный рельеф большого острова. Весь дух этого рельефа пронизан ощущением многовековья. И недаром жила здесь из поколения в поколение семья сказителей Рябининых, от которых записано множество былин.

Пейзаж России на всем ее богатырском пространстве как бы пульсирует, он то разряжается и становится более «природным», то сгущается в деревнях, погостах и городах, становится более «человеческим».

В деревне и в городе продолжается тот же ритм параллельных линий, который начинается с пашни. Борозда к борозде, бревно к бревну, улица к улице. Крупные ритмические деления сочетаются с мелкими, дробными. Одно плавно переходит к другому.

Старый русский город не противостоит природе. Он идет к природе через пригород. «Пригород» — это слово, как будто нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород — при городе, но он и при природе. Пригород — это деревня с деревьями, с деревянными полудеревенскими домами. Сотни лет назад он прильнул огородами и садами к стенам города, к валу и рву, он прильнул и к окружающим полям и лесам, отобрав от них немного деревьев, немного огородов, немного воды в свои пруды и колодцы. И все это в приливах и отливах скрытых и явных ритмов — грядок, улиц, домов, бревнышек, плах мостовых и мостиков.

Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. Прислушайтесь к языку: погулять на воле, выйти на волю. Воля — это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее.

Вспомните у Кольцова:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

У Кольцова тот же восторг перед огромностью приволья.

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишения человека пространства. Притеснять человека — это лишать его пространства в прямом и переносном смысле этого слова.

Воля вольная! Ощущали эту волю даже бурлаки, которые шли по бечеве, упряженные в лямку, как лошади, а иногда и вместе с лошадьми. Шли по бечеве, узкой прибрежной тропой, а кругом была для них воля. Труд подневольный, а природа кругом вольная. И природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором. Поэтому так любимо в народной песне полюшко-поле. Воля — это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны — как вздумается.

Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях, особенно разбойничьих, которые, впрочем, создавались и пелись вовсе не разбойниками, а тоскующими по вольной волюшке и лучшей доле крестьянами. В этих разбойничьих песнях крестьянин мечтал о беспечности и отплате своим обидчикам.

Русское понятие храбрости — это удаль, а удаль — это храбрость в широком движении. Это храбрость,

умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте. Слово «удаль» очень трудно переводится на иностранные языки. Храбрость неподвижная еще в первой половине XIX века была непонятна. Грибоедов смеется над Скалозубом, вкладывая в его уста такой ответ на вопрос Фамусова, за что у него «в петличке орденок»: «За третье августа; засели мы в траншею: Ему дан с бантом, мне на шею». Смешно, как это можно «засесть», да еще в «траншею», где уж вовсе не пошевелинешься, и получить за это боевую награду?

Да и в корне слова «подвиг» тоже как бы «застряло» движение: «по-двиг», то есть то, что сделано движением, побуждено желанием сдвинуть с места что-то неподвижное.

Помню в детстве русскую пляску на волжском пароходе компании «Кавказ и Меркурий». Плясал грузчик (звали их крючниками). Он плясал, выкидывая в разные стороны руки, ноги, и в азарте сорвал с головы шапку, далеко кинув ее в столпившихся зрителей, и кричал: «Порвусь! Порвусь! Ой, порвусь!» Он стремился занять своим телом как можно больше места.

Русская лирическая протяжная песнь — в ней также есть тоска по простору. И поется она лучше всего вне дома, на воле, в поле.

Колокольный звон должен был быть слышен как можно дальше. И когда вешали на колокольню новый колокол, нарочно посылали людей послушать, за сколько верст его слышно.

Быстрая езда — это тоже стремление к простору.

Но то же особое отношение к простору и пространству видно и в былинах. Микула Сеянинович идет за плугом из конца в конец поля. Вольге прихо-

дится его три дня нагонять на молодых бухарских жеребчиках.

Услыхали они в чистом поли пахаря,
Пахаря-пахарюшка.
Они по день ехали в чистом поли,
Пахаря не наехали,
И по дру́гой день ехали с утра до вечера.
Пахаря не наехали,
И по третий день ехали с утра до вечера,
Пахаря и наехали.

Ощущение пространства есть и в зачинах к былинам, описывающих русскую природу, есть и в желаниях богатырей, Вольги например:

Похотелось Вольги́-то много мудрости:
Щукой-рыбою ходить Вольги́ во синих морях,
Птицею-соколом летать Вольги́ под облака,
Волком рыскать во чисты́х полях.

Или в зачине былины «Про Соловья Будимировича»:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акнян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровския...

Даже описание теремов, которые строит «дружина хорóбрая» Соловья Будимировича в саду у Забавы Путятичны, содержит этот же восторг перед огромностью природы.

Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце — в тереме солнце;
На небе месяц — в тереме месяц;
На небе звезды — в тереме звезды;
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Восторг перед просторами присутствует уже и в древней русской литературе — в Начальной летописи, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о гибели Русской земли», в «Житии Александра Невского», да почти в каждом произведении древнейшего периода XI–XIII веков. Всюду события либо охватывают огромные пространства, как в «Слове о полку Игореве», либо происходят среди огромных пространств с откликами в далеких странах, как в «Житии Александра Невского». Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ О русской пейзажной живописи

В русской пейзажной живописи очень много произведений, посвященных временам года: осень, весна, зима — любимые темы русской пейзажной живописи на протяжении всего XIX века и позднее. И главное, в ней не неизменные элементы природы, а чаще всего временные: осень ранняя или поздняя, вешние воды, тающий снег, дождь, гроза, зимнее солнце, выглянувшее на мгновение из-за тяжелых зимних облаков, и т. п. В русской природе нет вечных, не меняющихся в разные времена года крупных объектов вроде гор, вечнозеленых деревьев. Все в русской природе непостоянно по окраске и состоянию. Деревья — то с голыми ветвями, создающими своеобразную «графику зимы», то с листвой яркой, весенней, живописной. Разнообразнейший по оттенкам и степени насыщенности цветом осенний лес. Разные состояния

воды, принимающей на себя окраску неба и окружающих берегов, меняющейся под действием сильного или слабого ветра (картина «Сиверко» Остроухова), дорожные лужи, различная окраска самого воздуха, туман, роса, иней, снег — сухой и мокрый. Вечный маскарад, вечный праздник красок и линий, вечное движение — в пределах года или суток.

Все эти изменения есть, конечно, и в других странах, но в России они как бы наиболее заметны благодаря русской живописи, начиная с Венецианова и Мартынова. В России на большей части территории континентальный климат, и этот континентальный климат создает особенно суровую зиму и особенно жаркое лето, длинную, переливающуюся всеми оттенками красок весну, в которой каждая неделя приносит с собой что-то новое, затяжную осень, в которой есть и ее самое начало с необыкновенной прозрачностью воздуха, воспетое Тютчевым, и особой тишиной, свойственной только августу, и поздняя осень, которую так любил Пушкин.

Но в России, в отличие от юга, особенно где-нибудь на берегах Белого моря или Белого озера, необыкновенно длинные вечера с закатным солнцем, которое создает на воле переливы красок, меняющиеся буквально в пятиминутные промежутки времени, целый «балет красок», и замечательные — длинные-длинные — восходы солнца. Бывают моменты (особенно весной), когда солнце «играет», точно его гранил опытный гранильщик. Белые ночи и «черные», темные дни в декабре создают не только многообразную гамму красок, но и чрезвычайно богатую палитру эмоциональную. И русская поэзия откликается на все это многообразии.

Интересно, что русские художники, оказываясь за границей, искали в своих пейзажах эти перемены времени года, времени дня, эти «атмосферические» явления. Таков был, например, великолепный пейзажист, остававшийся русским во всех своих пейзажах Италии именно благодаря этой своей чуткости ко всем изменениям в «воздухе», — Сильвестр Щедрин.

Характерная особенность русского пейзажа есть уже у Венецианова. Она есть и в ранней весне Васильева. Она мажорно сказалась в творчестве Левитана. Это непостоянство и зыбкость времени — черта, как бы соединяющая людей России с ее пейзажами.

Но не стоит увлекаться. Национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности — это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Национальные особенности сближают людей, интересуют людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации.

Поэтому если я говорю о том, что свойственно русскому пейзажу или русской поэзии, то эти же свойства, но, правда, в какой-то иной степени, свойственны и другим странам и народам. Национальные черты народа существуют не только в себе и для себя, а и для других. Они выясняются только при взгляде со стороны и в сравнении, поэтому должны быть понятны для других народов, они в какой-то другой аранжировке должны существовать и у иных.

Если я говорю сейчас о том, что русский художник особенно чуток к изменениям годовым, суточ-

ным, к атмосферным условиям и прочему, то сразу же на память приходит великий французский художник Клод Моне, писавший Лондонский мост в тумане, или Руанский собор, или один и тот же стог сена при разной погоде и в разное время дня. Эти «русские» черты Моне отнюдь не «отменяют» сделанных мною наблюдений, они лишь говорят, что русские черты в какой-то мере являются чертами общечеловеческими.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Природа других стран

Я уже давно чувствую, что пора ответить на вопрос: а разве у других народов нет такого же чувства природы, нет союза с природой? Есть, разумеется! И я пишу не для того, чтобы доказывать превосходство русской природы над природой других народов. Но у каждого народа как бы свой союз с природой.

Для того чтобы провести сравнение разных созданных совместными усилиями людей и стихий ландшафтов, надо, как мне кажется, побывать на Кавказе, в Средней Азии, а также в Испании, Италии, Англии, Шотландии, Норвегии, Болгарии, Турции, Японии, Египте. По фотографиям и по пейзажной живописи судить о природе нельзя.

Из всех перечисленных мною краев и стран я смогу поверхностно судить только о Кавказе и еще об Англии, Шотландии, Болгарии. И в каждой из этих стран свои, своеобразные взаимоотношения природы и человека — всегда трогательные, всегда волнующие, свидетельствующие о чем-то очень духовно высоком в человеке, вернее, в народе.

Сельскохозяйственный труд, как и в России, формировал собой природу Англии. Но природа эта создавалась не столько земледелием, сколько овцеводством. Поэтому в ней так мало кустов и такие хорошие газоны. Скот «выщипывал» пейзаж, делал его легкообозримым: под пологом деревьев не было кустов и было далеко видно. Англичане сажают деревья по дорогам и дорожкам, а между ними оставляют луга и лужайки. Не случайно скот был непременной принадлежностью пейзажных парков и английской пейзажной живописи. Это заметили и в России. И даже в русских царских пейзажных садах, вкус к которым был принесен в Россию из Англии, ставились молочни и фермы, паслись коровы и овцы.

Англичане любят парки почти без кустов, любят оголенные берега рек и озер, где граница воды и земли создает четкие и плавные линии, «уединенные дубы» или группы старых деревьев, боскеты (небольшие рощи), стоящие среди лужаек, как гигантские букеты.

В пейзажах Шотландии, в Хайленде, которые многие считают красивейшими, поражает необыкновенная лаконичность лирического чувства. Это почти обнаженная поэзия. И не случайно там родилась одна из лучших мировых поэзий — английская «озерная школа». Горы, поднявшие на свои мощные склоны луга, пастбища, овец, а вслед за ними и людей, внушают какое-то особое доверие. И люди доверили себя и свой скот горным полям, оставили скот без хлева и укрытия. В горах пасутся коровы с необыкновенно теплой и густой шерстью, привыкшие к ночному холоду и горной подоблачной сырости, овцы, дающие лучшую в мире шерсть и умеющие ночевать, сбив-

шись в гурты, ходят люди, которые носят простые килты (шерстяные платки, обернутые вокруг бедер), чтобы их было удобно распрямить и высушить перед кострами, и пледы, которые не менее удобно сушить перед кострами и кутаться в них в сырые ночи. Поля перегорожены хайками — изгородями из камней. Их строили терпеливые руки. Шотландцы не хотели строить их из материала иного, чем родные горы. Поэтому каменные хайки — такая же часть природы, как и наши северные изгороди из жердей. Только ритм в них иной.

В Болгарии в характере взаимоотношения природы и человека есть одна удивительная черта: черта их взаимообращенности друг к другу, взаимооткрытости. Эта черта еще слабо выражена в первой столице Болгарии — Плиске. В основе названия города Плиска лежит тот же корень, что и в основе имени одного из старейших городов России — Пскова (в древности это «Плесков» — «побратим» именем с Плисской). Оба города расположены на ровном, п л о с к о м месте, отчего и получили свои имена. В останках великолепного дворца в Плиске, его стен, дорог Плиски и мостовых лежат большие каменные блоки. Своею монументальностью, тяжестью эти каменные блоки как бы утверждают могучие горизонталы окружающего пространства.

Кочевники протоболгары, переходя от кочевого образа жизни к оседлому, не могли еще расстаться с плоскими степями, где удобно пасти коней и скот, поэтому основали свою первую столицу не в легко обороняемых горах, а среди пастбищ. Чтобы утвердить свою новую оседлость, они выстроили свой первый город из огромных блоков крепчайшего камня,

подчеркнув тем самым на веки веков свою предлежащую неподвижность, свою новую прикрепленность к земле.

Вторая столица Болгарии — Преслав расположен иначе: в огромной чаше окружающих гор. В центре чашевидной долины — знаменитая Круглая церковь. Окружающие горы любят Преславом с его центром — Круглой церковью, а Преслав любит могучей оградой окружающих его лесистых гор.

Еще своеобразнее и сильнее эта взаимообращенность природы и человека в третьей столице Болгарии — Велико-Тырнове. Велико-Тырново своими основными районами расположен на высоких холмах, таковы два важнейших — Царевец с неприступной крепостью и Трапéзица с многочисленными церквями и монастырями. А между холмами сложными петлями вьется река Янтра, повторяющая в своих водах дрожащую красоту города. А над всем этим сложным взаимоотношением гор, города и реки высятся еще более высокие горы. Одну из них тырновцы окрестили названием «Момина крепость» — Девичья крепость — крепость, которую могли бы защитить и девушки, настолько она сама по себе неприступна. Гора как город, город как горы... Горы и города слиты в единство до неразличимости, как бы живут вместе. Даже сравнительно новые, «возрожденческие» города Болгарии такие же. Один из них — Копривщица.

Копривщица — город «первой пушки». Здесь началось освободительное восстание против многовекового османского ига. Восстание это было поддержано самой природой, окружающими Копривщицу горами и темными лесами. И посмотрите, в каком союзе живет здесь до сих пор город, лес и горы. В центре

города среди двухэтажных типично болгарских домов живут темные, могучие, необыкновенно высокие лесные ели. Это лес вошел в город. А из каждого дома видны горные луга со стадами овец: видна окружающая город местность; именно из каждого (разумеется, старого, ибо современные архитекторы этого не понимают) дома. Дело в том, что болгары изобрели удивительные дома. Этажи в этих домах поставлены свободно друг к другу, и второй, жилой этаж повернут всегда так, чтобы из его окон открывалась перспектива улицы и был вид на окружающую город природу: в горных — на горы, в приморских — на море. С высоким художественным смыслом повторяется в домах, оградах и воротах плавная линия — «кобылица» (коромысло), как бы вторящая линии болгарских гор.

Может быть, потому, что самый замечательный болгарский архитектор XIX века Колю Фичето нигде не учился, он так по-своему и так по-народному, по-болгарски понимал архитектуру. Архитектура для него была продолжением природы и быта людей. Арки его мостов не только описывают вместе со своим отражением в воде идеальные эллипсы, овалы, круги, но и с удивительной плавностью переходят в своды устоев моста, а колонны его других строений не столько «несут» над собой своды, сколько просто и дружелюбно их «дорисовывают».

Сколько вообще тишины и спокойствия в любой архитектуре мира, как мало в народной архитектуре модного сейчас «брутализма» и урбанистической агрессивности!

Обратимся к природе Закавказья.

В Грузии человек ищет защиты у мощных гор, иногда тянется за ними (в башнях Сванетии), иногда

противостоит горным вертикалям горизонталями своих жилищ. Но самое главное — в Грузии природа так огромна, что она уже не в простом союзе с человеком, она мощно ему покровительствует, обнимает его, вдыхает в него богатырский дух.

О Грузии писали многие. Не буду перечислять великих русских поэтов XIX века и поэтов нашего столетия, писавших о Грузии, о ее природе и людях, о ее обычаях и истории, о ее культуре и искусстве. Грузию любили и любят. Чтобы представить себе отношения природы и человека в Грузии, приведу одно стихотворение Н. Заболоцкого. Да не посетует на меня читатель за то, что я процитирую это стихотворение полностью. Резать стихи — все равно что резать картину, а перечесть стихи Н. Заболоцкого — всегда большее удовольствие.

НОЧЬ В ПАСАНАУРИ

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.

С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменистый лед,
Я так устал, что не желал нимало
Ни соловьев, ни песен, ни красот.

Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола,
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.

И я лежал, схватившись за камень,
И надо мной, сверкая, выл поток.
И камни шевелились в испуге
И бормотали, прыгая у ног.

И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.

И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество, спокоен,
Узнав меня, улегся предо мной.

И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве — первый поцелуй.

Природа Грузии и в самом деле мощно принимает человека и делает его сильным, величественным и рыцарственным.

Впечатления от природы Армении заставляют меня несколько подробнее сказать и о ее пейзажах. Многовековая культура Армении победила даже горы. «Хоровод веков... — пишет Андрей Белый в „Ветре с Кавказа“, — впаины древности в почву; и камни природные — передрахлали скульптуру; и статуи, треснувши, в землю уйдя, поднимают кусты; не поймешь, что ты видишь: природу ль, культуру ль? Вдали голо-розовый, желто-белесый и гранный хребетик сквозным колоритом приподнят над Гегаркуником, Севан отделяющим; почвы там храмами выперты, храмы — куски цельных скал».

Не могу удержаться, чтобы не привести из той же книги отрывок, где Белый описывает свои первые впечатления от Армении, полученные им ранним утром из окна вагона:

«Армения!

Верх полусумерки рвет; расстояние сложилось оттенками урюмо-синих, сереющих, бирюзоватых

ущелий под бледную звездочкой: в дымке слабеющей зелень; но чиркнул под небо кривым лезвием исцарапанный верх, как воткнувшийся нож; и полезла гребенкой обрывин земля, снизу синяя, в диких разрывах; будто удары ножей, вылезających из перетресканных камневоротов — в центр неба; мир зазубрин над страшным растаском свисающих глыб, где нет линий без бешенства!»

Что это не мимолетное впечатление Белого, показывает тот факт, что на него откликнулся и сам гениальный армянский живописец Мартирос Сарьян, а что может быть авторитетнее именно такого отклика художника! В своем письме Белому, вызванном впечатлением от очерка «Армения», Сарьян пишет, что он хранит воспоминание о тех днях, когда они вместе «разъезжали или расхаживали по этой обожжено-обнаженной нагорной стране, любуясь громаздящимися камнями голубовато-фиолетового цвета, ставшими на дыбы в виде высочайших вершин Арарата и Арагаца».

Я не смею поправлять Сарьяна, и все-таки порой мне кажется, что пейзаж Восточной Армении суровее, чем на картинах Сарьяна. Безлесые горы, изобретенные дождями, ручьями и полосами виноградников, горы, с которых скатывались камни, густые плотные краски: это природа, точно впитавшая в себя народную кровь. Выше я писал, что для русской природы, очеловеченной крестьянином, очень характерен ритм вспаханной земли, ритм изгородей и бревчатых стен. Ритм характерен и для пейзажей Армении, но в Армении он другой. Огромное впечатление оставляет картина Сарьяна «Земля» (1969). Она вся состоит из полос, но полос ярких, волни-

стых — совсем других, чем ритм, созданный человеком в России.

Этот же волнообразный ритм схвачен и в картинах замечательнейшего армянского художника Минаса Аветисяна. В его картине «Родители» (1962) отец и мать изображены на фоне армянского пейзажа. Поразительно, что ритм армянской природы как бы повторяется в душевном ритме людей. Даже горы в картине «Родители» стали волнами трудового ритма.

Трудовые ритмы Армении удивительно разнообразны, как разнообразен и труд ее народа. В картине Сарьяна «Полуденная тишина» (1924) на землю как бы наложены квадраты возделанных полей, словно расстелены разноцветные ковры для просушки. Ритмы гор и полей сочетаются и противостоят друг другу.

Свободен и легок ритм в картине Кождояна «Ара-ратская долина». Горы в ней — волны, полосы долины — только легкая морская зыбь.

О богатстве природы Армении свидетельствует и то, что в живописи она отражена удивительно разнообразно. Один и тот же художник видел ее по-разному. И вместе с тем мы всегда скажем: это Армения,

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин...

Раз уж пришли на память эти строки О. Мандельштама, то невозможно не вспомнить и стихи Валерия Брюсова, обращенные к армянам:

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров.
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волнения мира,
Летя, касались вас крылом. —
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром...

Как это хорошо — величие народа в прикосновенности к мировым событиям! В этой страдальческой причастности, а не в мещанском благополучии дух армянского народа:

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня...

Даже бедный пастушеский посох у подножия Ара-
рата становится похож на скипетр царя:

Внизу, на поле каменистом,
Овец ведет пастух седой,
И длинный посох, в свете мгlistом,
Похож на скипетр вековой.

И в том же ключе говорит об армянской природе
Николай Тихонов:

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения...

Золотое яблоко, то есть царский знак — «держава», и скипетр вручены русскими поэтами многострадальной и своею значительностью счастливой Армении. Это ли не царский подарок?

Из приведенных примеров ясно следующее: пейзаж страны — это такой же элемент национальной

культуры, как и все прочее. Не хранить родную природу — это то же, что не хранить родную культуру. Она — выражение души народа.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Ансамбли памятников искусства

Каждая страна — это ансамбль искусств. Грандиозным ансамблем культур или памятников культуры является наша страна. Ее города, сколь бы они ни были различны, не обособлены друг от друга. Москва и Петербург не просто не похожи друг на друга — они контрастируют друг другу и, следовательно, взаимодействуют. Не случайно они связаны железной дорогой столь прямой, что, проехав в поезде ночь без поворотов и только с одной остановкой и попадая на вокзал в Москве или Петербурге, вы видите почти то же вокзальное здание, которое вас провожало вечером; фасады Московского вокзала в Петербурге и Ленинградского в Москве одинаковые. Но одинаковость вокзалов подчеркивает резкое несходство городов, несходство не простое, а дополняющее друг друга.

Даже предметы искусства в музеях не просто хранятся, а составляют некоторые культурные ансамбли, связанные с историей городов и страны в целом. Состав музеев далеко не случаен, хотя в истории их собраний и немало отдельных случайностей. Недаром, например, в музеях Петербурга так много голландской живописи (это Петр I), а также французской (это петербургское дворянство XVIII и начала XIX века).

А посмотрите в других городах. В Новгороде стоит посмотреть иконы. Это третий по величине и ценности центр древнерусской живописи.

В Костроме, Нижнем Новгороде и Ярославле следует смотреть русскую живопись XVIII и XIX веков (это центры русской дворянской культуры), а в Ярославле еще и «волжскую» XVII века, которая представлена здесь так, как нигде.

Но если вы возьмете всю нашу страну, вы удивитесь разнообразию и своеобразию городов и хранящейся в них культуры: в музеях и частных собраниях, да и просто на улицах, ведь почти каждый старый дом — драгоценность. Одни дома и целые города дорogi своей деревянной резьбой (Томск, Вологда), другие — удивительной планировкой, набережными, бульварами (Кострома, Ярославль), третьи — каменными особняками, четвертые — затейливыми церквями.

Но многое их объединяет. Одна из самых типичных черт русских городов — их расположение на высоком берегу реки. Город виден издали и как бы втянут в движение реки: Великий Устюг, волжские города, города по Оке. Есть такие города и на Украине: Киев, Новгород-Северский, Путивль. Это традиции Древней Руси — Руси, от которой пошли Россия, Украина, Белоруссия, а потом и Сибирь с Тобольском и Красноярском...

Город на высоком берегу в вечном движении. Он «проплывает» мимо реки. И это тоже присущее Руси ощущение родных просторов.

В стране существует единство народа, природы и культуры.

Сохранить разнообразие наших городов и сел, сохранить в них историческую память, их общее нацио-

нально-историческое своеобразие — одна из важнейших задач наших градостроителей. Вся страна — это грандиозный культурный ансамбль. Он должен быть сохранен в своем поразительном богатстве. Воспитывает не только историческая память в своем городе и в своем селе — воспитывает человека его страна в ее целом. Сейчас люди живут не только в своем «пункте», но во всей стране и не своим веком только, но всеми столетиями своей истории.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Сады и парки

Взаимодействие человека с природой, с ландшафтом не всегда длится столетиями и тысячелетиями и не всегда носит «природно-бессознательный» характер. След в природе остается не только от сельского труда человека, и труд его не только формируется природой: иногда человек сознательно стремится преобразовать окружающий его ландшафт, сооружая сады и парки.

Сады и парки создают своего рода «идеальное» взаимодействие человека и природы, «идеальное» для каждого этапа человеческой истории, для каждого творца садово-паркового произведения.

И здесь мне хотелось бы сказать несколько слов об искусстве садов и парков, которое не всегда до конца понималось в своей основе его истолкователями, специалистами (теоретиками и практиками садоводства).

Садово-парковое искусство — наиболее захватывающее и наиболее воздействующее на человека из всех искусств. Такое утверждение кажется на первый

взгляд странным. С ним как будто бы трудно согласиться. Почему, в самом деле, садово-парковое искусство должно быть более действенным, чем поэзия, литература в целом, театр, живопись и т. д.? Но подумайте беспристрастно и вспомните собственные впечатления от посещения наиболее дорогих нам всем исторических парков, пусть даже и запущенных.

Вы идете в парк, чтобы отдохнуть — без сопротивления отдаться впечатлениям, подышать чистым воздухом с его ароматом весны или осени, цветов и трав. Парк окружает вас со всех сторон. Вы и парк обращены друг к другу, парк открывает вам всё новые виды: поляны, боскеты, аллеи, перспективы, — и вы, гуляя, только облегчаете парку его показ самого себя. Вас окружает тишина, и в тишине с особой остротой возникает шум весенней листвы вдали или шуршание опавших осенних листьев под ногами или слышится пение птиц или легкий треск сучка вблизи, какие-то звуки настигают вас издали и создают особое ощущение пространства и простора. Все чувства ваши раскрыты для восприятия впечатлений, и смена этих впечатлений создает особую симфонию — красок, объемов, звучаний и даже ощущений, которые приносит вам воздух, ветер, туман, роса...

Но при чем тут человек? — спросят меня. Ведь это то, что приносит вам природа, то, что вы можете воспринять, и даже с большей силой, в лесу, в горах, на берегу моря, а не только в парке.

Нет, сады и парки — это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа. Сады и парки одинаково важны — и в городе и за пределами города. Не случайно так много чудеснейших парков в родном нашем Подмосковье. Нет ничего более захва-

тывающего, увлекающего, волнующего, чем вносить человеческое в природу, а природу торжественно, «за руку» вводить в человеческое общество: смотрите, любуйтесь, радуйтесь.

И чем более дика природа, тем острее и глубже ее сообщество с человеком. Вот почему такое огромное впечатление производят Крымский парк в Алушке, устраивавшийся Воронцовым, и выборгский парк Мон репó («Мое отдохновение») в типично русском имени баронов Николаи. В Алушке над парком громоздятся и «показывают себя» горы, а под парком бьются о гигантские камни волны Черного моря. В парке Мон репо на голых красных гранитных скалах растут сосны, открываются бесконечные виды на шхеры с их плывущими в водной голубизне островами. Но и в том и другом парке при всей грандиозности природы всюду видна разумная рука человека, и уютные дворцы хозяев приветливо венчают окружающую перевозданную дикость ландшафта.

Не случайно и Петр каналами подводил море к своим загородным парковым дворцам — в Петергофе, Стрельне, Ораниенбауме. Каналы соединяли дворцы и парки с морем не только водой, но и воздухом — открывавшейся на море перспективой — и вводили морскую воду в окружение деревьев и любимых Петром душистых цветов.

Есть и еще одна сфера, которую человеку дарит по преимуществу парк или даже только парк. Это сфера исторического времени, сфера воспоминаний и поэтических ассоциаций.

Исторические воспоминания и поэтические ассоциации — это и есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть

и особенность. Парки ценны не только тем, что в них есть, но и тем, что в них было. Временная перспектива, которая открывается в них, не менее важна, чем перспектива зрительная. «Воспоминания в Царском Селе» — так назвал Пушкин лучшее из наиболее ранних своих стихотворений.

Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как к документу. Первое отношение стремится воспроизвести прошлое, возродить его зрительный образ. Второе стремится сохранить прошлое хотя бы в его частичных остатках. Для первого в садово-парковом искусстве важно воссоздать внешний, зрительный образ парка или сада таким, каким его видели в тот или иной момент его жизни. Для второго важно ощутить свидетельство времени, важна документальность. Первое говорит: таким он выглядел; второе свидетельствует: это тот самый, он был, может быть, не таким, но это подлинно тот, это те липы, те садовые строения, те самые скульптуры. Второе отношение терпимее к первому, чем первое ко второму. Первое отношение к прошлому требует вырубить в аллее старые деревья и насадить новые: так аллея выглядела. Второе отношение сложнее: сохранить все старые деревья, продлить им жизнь и подсадить к ним на места погибших молодые. Две-три старые дуплистые липы среди сотни молодых будут свидетельствовать: это та самая аллея — вот они, старожилы. А о молодых деревьях не надо заботиться: они растут быстро, и скоро аллея приобретет прежний вид.

Но в двух отношениях к прошлому есть и еще одно существенное различие. Первое будет требовать: важна одна эпоха — эпоха создания парка, или его

расцвета, или чем-либо знаменательная. Второе скажет: пусть живут все эпохи, так или иначе знаменательные, ценна вся жизнь парка целиком, ценны воспоминания о различных эпохах и о различных поэтах, воспевших эти места, — и от реставрации потребует не восстановления, а сохранения. Первое отношение к паркам и садам открыл в России Александр Бенуа с его эстетским культом времени императрицы Елизаветы Петровны и ее Екатерининского парка в Царском Селе. С ним поэтически полемизировала Ахматова, для которой в Царском был важен Пушкин, а не Елизавета: «Здесь лежала его треуголка и растрепанный том Парнй».

Да, вы поняли меня правильно: я на стороне второго отношения к памятникам прошлого. И не только потому, что второе отношение шире, терпимее и осторожнее, менее самоуверенно и оставляет больше природе, заставляя уважительно отступать внимательного человека, но и потому еще, что оно требует от человека большего воображения, большей творческой активности. Восприятие памятника искусства только тогда полноценно, когда оно мысленно воссоздает, творит вместе с творцом, наполнено историческими ассоциациями.

Первое отношение к прошлому создает, в общем-то, учебные пособия, учебные макеты: смотрите и знайте! Второе отношение к прошлому требует правды, аналитической способности: надо отделить возраст от объекта, надо вообразить, как тут было, надо в некоторой степени исследовать. Это — второе — отношение требует большей интеллектуальной дисциплины, больших знаний от самого зрителя: смотрите и воображайте. И это интеллектуальное отношение

к памятникам прошлого рано или поздно возникает вновь и вновь. Нельзя убить подлинное прошлое и заменить его театрализованным, даже если театрализованные реконструкции уничтожили все документы, но место осталось: здесь, на этом месте, на этой почве, в этом географическом пункте, было оно — что-то памятное.

Театральность проникает и в реставрацию памятников архитектуры. Подлинность теряется среди предположительно восстановленного. Реставраторы доверяют случайным свидетельствам, если эти свидетельства позволяют восстановить этот памятник архитектуры таким, каким он мог бы быть особенно интересным. Так восстановлена в Новгороде Евфимиевская часовня: получился маленький храмик на столпе — нечто совершенно чуждое древнему Новгороду.

Сколько памятников было погублено реставраторами в XIX веке вследствие привнесения в них элементов эстетики нового времени! Реставраторы добились симметрии там, где она была чужда самому духу стиля — романскому или готическому, — пытались заменить живую линию геометрически правильной, высчитанной математически, и т. п. Так «засушены» и Кельнский собор, и Нотр-Дам в Париже, и аббатство Сен-Дени. «Засушены», законсервированы были целые города в Германии — особенно в период идеализации немецкого прошлого.

Все это я пишу не зря. Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера. Человек — часть общества и часть его истории.

Но ни один принцип не может проводиться бездумно и механически. В пушкинских местах Псковской области — в селе Михайловском, Тригорском, Петровском — частичная театрализация необходима. Исчезнувшие дома и избы были там органическими элементами пейзажа. Без дома Осиповых-Вульф в Тригорском нет Тригорского. И восстановление этого дома, как и домов в Михайловском и Петровском, не уничтожает подлинности. Рубить пришлось лишь кусты и молодые деревья, а не старые. Культура прошлого и настоящего — тоже сад и парк. Недаром «золотой век», «золотое детство» человечества — средневековый рай — всегда ассоциировались с садом. Сад — это идеальная культура, культура, в которой облагороженная природа идеально слита с добрым в ней человеком.

Не случайно Достоевский мечтал превратить самые многолюдные места Петербурга в сад: соединить Юсуповский сад на Садовой улице с Михайловским у Михайловского замка, где он учился, засадить Марсово поле и соединить его с Летним садом, протянуть полосу садов через самый бойкий торговый центр и там, где жили старуха-процентщица и Родион Раскольников, создать своего рода рай на земле. Для Достоевского было два полюса на земле — Петербург у Сенной и природа в духе пейзажей французского художника XVII века Клода Лоррена, изображающих золотой век, — Лоррена, которого он очень любил за райскую идеальность изображаемой жизни.

Заметили ли вы, что самый светлый эпизод «Идиота» Достоевского — свидание князя Мышкина и Аглаи — совершается в Павловском парке утром? Это свидание нигде в ином месте и не могло произойти.

Именно для этого свидания нужен Достоевскому Павловск. Вся эта сцена как бы вплетена в приветливый пейзаж Павловска.

Самый счастливый момент в жизни Обломова — его объяснение в любви — также совершается в саду.

В «Капитанской дочке» у Пушкина радостное завершение хлопот Маши Мироновой также происходит именно в «лорреновской» части Екатерининского парка. Именно там, а не в дворцовых помещениях оно только и могло совершиться.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Природа России и Пушкин

Клод Лоррен? А при чем тут, спросите, русский характер и русская природа?

Потерпите немного — и все нити сойдутся снова.

У нас примитивно представляют себе историю садово-паркового искусства: регулярный парк, пейзажный парк; второй тип парка резко сменяет собой первый где-то в 70-х годах XVIII века в связи с идеями Руссо, а в допетровской Руси были якобы только утилитарные сады: выращивали в них плоды, овощи и ягоды. Вот и все! На самом же деле история садово-паркового искусства гораздо сложнее.

В «Слове о погибели Русской земли» XIII века в числе наиболее значительных красот, которыми была дивно удивлена Русь, упоминаются и монастырские сады. Монастырские сады на Руси в основном были такими же, как на Западе. Они располагались внутри монастырской ограды и изображали собой земной рай, а монастырская ограда — ограду райскую. В райском саду должны были быть и райские деревья —

яблони или виноградные лозы (в разное время порода «райского древа познания добра и зла» понималась по-разному), в них должно было быть все прекрасно для глаза, для слуха (пение птиц, журчание воды, эхо), для обоняния (запахи цветов и душистых трав), для вкуса (редкостные плоды). В них должно было быть изобилие всего и великое разнообразие, символизирующее разнообразие и богатство мира. Сады имели свою семантику, свое значение. Вне монастырей существовали священные рощи, частично сохранившиеся еще от языческих времен, но освященные и «христианизированные» каким-нибудь явлением в них иконы или другим церковным чудом.

Мы имеем очень мало сведений о русских садах до XVII века, но ясно одно: «райские сады» были не только в монастырях, но и в княжеских загородных селах. Были сады в кремлях и у горожан — при всей тесноте городской застройки. Те многочисленные материалы о русских садах XVII века, которые опубликовал в XIX веке, но не сумел искусствоведчески осмыслить историк И. Забелин, отчетливо свидетельствуют, что к нам в Москву с середины XVII века проник в садоводство стиль голландского барокко.

Сады в Московском Кремле делались на разных уровнях, террасами, как того требовал голландский вкус, огораживались стенами, украшались беседками и теремами. В садах устраивались пруды в гигантских свинцовых ваннах, также на разных уровнях. В прудах плавали потешные флотилии, в ящиках разводились редкостные растения (в частности, астраханский виноград), в гигантских шелковых клетках пели соловьи и перепелки (пение последних ценилось наравне с соловьиным), росли там душистые

травы и цветы, в частности излюбленные голландские тюльпаны (цена на луковицы которых особенно возросла именно в середине XVII века), пытались держать попугаев и т. д. и т. п.

Барочные сады Москвы отличались от ренессансных своим ироническим характером. Их, как и голландские сады, стремились обставлять живописными картинами с обманными перспективными видами (*trompe-l'oeil*), местами для уединения и т. д.

Все это впоследствии Петр стал устраивать и в Петербурге. Разве что прибавились в петровских садах скульптуры, которых в Москве боялись из «идеологических» соображений: их принимали за идолов. Да прибавились еще эрмитажи — разных типов и различного назначения.

Такие же «иронические сады» с уклоном к рококо стали строиться в Царском Селе. Перед садовым фасадом Екатерининского дворца был разбит Голландский сад, и это свое название — Голландский — сад сохранял еще в начале XX века. Это было не только название сада, но и определение его типа. Это был сад уединения и разнообразия, сад голландского барокко, а затем и рококо с его склонностью к веселой шутке и уединению, но не философскому, а любовному. Вскоре Голландский сад, сад рококо, был окружен обширным предромантическим парком, в котором «садовая идеология» вновь обрела серьезность, где значительная доля принадлежала уже воспоминаниям — героическим, историческим и чисто личным, где получила свое право на существование чувствительность (*sensibility of gardens*) и была реабилитирована изгнанная из садов барокко или пародированная в них серьезная медитативность (склонность к размышлениям).

Если мы обратимся от этого кратчайшего экскурса в область русского садово-паркового искусства к лицейской лирике Пушкина, то мы найдем в ней всю семантику садов рококо и периода предромантизма. Пушкин в своих лицейских стихах культивирует тему своего «иронического монашества» («Знай, Наталья! — я... монах!»), садового уединения — любовного и с товарищами. Лицей для Пушкина был своего рода монастырем, а его комната — кельей. Это чуть-чуть всерьез и чуть-чуть с оттенком иронии. Сам Пушкин в своих лицейских стихах выступает как нарушитель монашеского устава (пирушки и любовные утехи). Эти темы — дань рококо. Но есть и дань предромантическим паркам — его знаменитые стихи «Воспоминания в Царском Селе», где «воспоминания» — это памятники русским победам и где встречаются оссианические¹ мотивы (скалы, мхи, «седые валы», которых на самом деле на Большом озере в Царском и не бывало).

Открытие русской природы произошло у Пушкина в Михайловском. Михайловское и Тригорское — это места, где Пушкин открыл русский простой пейзаж. Вот почему Михайловское и Тригорское святы для каждого русского человека.

Природа Пушкинских Гор служит как бы комментарием к многим стихам Пушкина, к отдельным главам «Евгения Онегина», освящена встречами Пушкина — с его друзьями, знакомыми, с Ариной Родионовной, с крестьянами. Воспоминания о Пушкине живут здесь в каждом уголке. Пушкин и природа этих мест в дружном единстве творили новую поэзию, новое

¹ Оссиан — легендарный воин и бард кельтов, якобы живший, по преданию, в III в.

отношение к миру, к человеку. Хранить природу Михайловского и Тригорского мы должны со всеми деревьями, лесами, озерами и рекой Соротью с особым вниманием, ибо здесь, повторяю, совершилось поэтическое открытие русской природы.

Пушкин в своем поэтическом отношении к природе прошел путь от Голландского сада в стиле рококо и Екатерининского парка в стиле предромантизма до чисто русского ландшафта Михайловского и Тригорского, не окруженного никакими садовыми стенами и по-русски обжитого, ухоженного, «обласканного» псковичами со времен княгини Ольги, а то и раньше, то есть за целую тысячу лет. И не случайно, что именно в обстановке этой русской «исторической» природы (а история есть главное слагаемое русской природы) родились исторические произведения Пушкина — и прежде всего «Борис Годунов».

Хочу привести одну большую и исторически странную аналогию. Вблизи дворца всегда существовали более или менее обширные регулярные сады. Архитектура связывалась с природой через архитектурную же часть сада. Так было и во времена, когда пришла мода на романтические пейзажные сады. Так было при Павле и в дворянских усадьбах XIX века, в частности в знаменитых подмосковных. Чем дальше от дворца, тем больше естественной природы. Даже в эпоху Ренессанса в Италии за пределами ренессансных архитектурных садов существовала природная часть владений хозяина для прогулок — природа римской Кампании. Чем длиннее становились маршруты человека для гуляний, чем дальше он уходил от своего дома, тем больше для него открывалась природа его страны, тем шире и ближе к дому — природ-

ная, пейзажная часть его парков. Пушкин открыл природу сперва в царскосельских парках вблизи дворца и Лицея, но дальше он вышел за пределы «ухаженой природы». Из регулярного лицейского сада он перешел в его парковую часть, а затем в русскую деревню. Таков пейзажный маршрут пушкинской поэзии. От сада к парку и от парка к деревенской русской природе. Соответственно нарастало и национальное видение им природы, и социальное. Он увидел, что природа красива, но — вовсе не идиллия.

Стихотворение «Деревня» (1819) ясно делится на две части. В первой Пушкин описывает русскую природу Михайловского в духе своих лицейских стихов, подчеркивая отдых, уединение, «праздность вольную, подругу размышленья», а во второй ужасается социальной несправедливости, которая царит здесь и «в уединеньи величавом»:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...

Пушкин, идя от природы России, постепенно открыл для себя русскую действительность.

Изменить что-либо в Михайловском и Тригорском, да и вообще в пушкинских местах бывшей Псковской губернии (новое слово «Псковщина» к этим местам не идет совсем) нельзя, так же как и во всяком дорогом нашему сердцу памятном предмете. Даже

и драгоценная оправа здесь не годится, так как пушкинские места — это только центр той обширной части русской природы, которую мы зовем Россией.

ПИСЬМО СОРОКОВОЕ

О памяти

Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки, и если вы сожмете его вторично — часть складок ляжет по прежним складкам: бумага «обладает памятью»...

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, стекло, вода и т. д.

На памяти древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, произведшая переворот в археологических исследованиях, — там, где находят древесину, — дендрохронология («дендрон» по-гречески «дерево»; дендрохронология — наука определять время дерева).

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, позволяющие новым поколениям птиц совершать перелеты в нужном направлении к нужному месту. В объяснении этих перелетов недостаточно изучать только «навигационные приемы и способы», которыми пользуются птицы. Важнее всего память, заставляющая их искать зимовья и летовья — всегда одни и те же.

А что говорить о «генетической памяти» — памяти, заложенной в веках, памяти, переходящей от одного поколения живых существ к следующим!

При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки, общественные институты...

Память противостоит уничтожающей силе времени.

Это свойство памяти чрезвычайно важно.

Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим.

Память — преодоление времени, преодоление смерти.

В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий недобрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих. Он сам, очевидно, не привык беречь память о прошлом, испытывать чувство благодарности к предкам, к их труду, их заботам и поэтому думает, что и о нем все будет позабыто.

Совесьть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии —

это одно из важнейших «наглядных пособий» морального воспитания детей, да и взрослых. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, к их песням и развлечениям. Все это дорого нам. Да и просто уважение к могилам предков. Вспомните у Пушкина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти, и вдруг — «животворящая святыня»! Слишком часто мы остаемся равнодушными или даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам — двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений. Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Вероятно, можно было бы подумать, не строить ли нравственность на чем-либо другом: полностью игнорировать прошлое с его порой ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленным целиком в будущее, строить это будущее на «разум-

ных основаниях» самих по себе, забыть о прошлом с его темными и светлыми сторонами.

Это не только не нужно, но и невозможно. Память о прошлом прежде всего «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность.

В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество, например, обращалось к античности? По крайней мере больших, эпохальных обращений было четыре: при Карле Великом, при династии Палеологов в Византии, в эпоху Ренессанса и вновь в конце XVIII — начале XIX века. А сколько было «малых» обращений культуры к античности! В те же Средние века, долгое время считавшиеся «темными» (англичане до сих пор говорят о Средневековье — «dark age»). Каждое обращение к прошлому было «революционным», то есть оно обогащало современность, и каждое обращение по-своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед. Это я говорю об обращении к античности, а что давало для каждого народа обращение к его собственному национальному прошлому? Если оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым.

Каролингский Ренессанс в VI–VII веках не был похож на Ренессанс XV века, Ренессанс итальянский не похож на североевропейский. Обращение к культурному наследию античности в конце XVIII — начале XIX века, возникшее под влиянием открытий в Помпеях и трудов Винкельмана, отличается от нашего понимания античности и т. д.

Знала несколько обращений к Древней Руси и послепетровская Россия. Были разные стороны в этом обращении. Открытие художественных достоинств русской архитектуры и иконы в начале XX века было в основном лишено узкого национализма и очень плодотворно для нового искусства.

Хотелось бы мне продемонстрировать эстетическую и нравственную роль памяти на примере поэзии Пушкина.

У Пушкина Память в поэзии играет огромную роль. Поэтическая роль воспоминаний прослеживается с детских, юношеских стихотворений Пушкина, из которых важнейшее — «Воспоминания в Царском Селе», но в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но и в поэме «Евгений Онегин».

Когда Пушкину необходимо внесение лирического начала, он часто прибегает к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но все же в «Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

«Была ужасная пора, об ней свежо воспомина-
нанье...»

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пуш-

кин, в «Арапе Петра Великого» — тоже предок, Ганнибал.

Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память — наше богатство.

ПИСЬМО СОРОК ПЕРВОЕ

Память культуры

Мы заботимся о своем здоровье и здоровье других, следим за правильным питанием, за тем, чтобы воздух и вода оставались чистыми, незагрязненными. Загрязнение среды делает человека больным, угрожает его жизни, грозит гибелью всему человечеству. Всем известны те гигантские усилия, которые предпринимаются нашим государством, отдельными странами, учеными, общественными деятелями, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, моря, реки, леса, чтобы сохранить животный мир нашей планеты, спасти становища перелетных птиц, лежбища морских животных. Человечество тратит миллиарды и миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранить также ту окружающую нас природу, которая дает человеку возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила окружающей природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. И экология уже преподается в университетах.

Но экология не должна замыкаться только задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, следования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос нравственной экологии не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в ее целом, ее воздействующая сила.

А ведь факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды не подлежит ни малейшему сомнению.

За примерами ходить недалеко. После войны в Ленинград вернулось не более 20 процентов его довоенного населения, а тем не менее вновь приехавшие в Ленинград быстро приобрели те четкие «ленинградские» черты поведения, которыми по праву гордятся жители нашего города. Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя. Его воспитывает история, прошлое. Прошлое открывает ему окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота — триумфальные ворота. Жить там, где жили поэты и прозаики великой русской литературы, жить там, где жили великие критики и философы, ежедневно впитывать впечатления, которые так или иначе по-

лучили отражение в великих произведениях русской литературы, посещать квартиры-музеи — значит постепенно обогащаться духовно.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что, в свою очередь, нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся своими для человека. Он начинает учиться ответственности — нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего, которым прошлое будет не менее важно, чем нам, а может быть, с общим подъемом культуры и умножением духовных запросов, даже и важнее. Забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем...

Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, свое село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной оседлости человека. Человек — это не степное растение перекаати-поле, которое осенний ветер гонит по степи.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, — значит у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — значит он равнодушен к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов первой, убить человека нравственно может несоблюдение законов второй. Да и нет между ними пропасти. Где точная граница между природой и культурой? Разве нет в среднерусской природе присутствия человеческого труда?

Не здание даже нужно человеку, а здание в определенном месте. Поэтому и хранить их, памятник и ландшафт, нужно вместе, а не отдельно. Хранить строение в ландшафте, чтобы то и другое хранить в душе. Человек — существо нравственно оседлое, даже если он был кочевником: ведь и кочевал он по определенным местам. Для кочевника тоже существовала «оседлость» в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек — не оседлый и способен убивать оседлость в других.

Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры. Это различие не только велико — оно принципиально существенно.

До известных пределов утраты в природе восстанавливаемы. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных и пр. Конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растений. Удалось же восстановить зубров и на Кавказе, и в Беловежской пуще, даже поселить их в Бескидах, то есть там даже, где их раньше и не было. Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Она обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает

раны, нанесенные ей извне: пожарами, или вырубками, или ядовитой пылью, газами, сточными водами...

Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой в прошлом, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно беззащитен, он не восстановит самого себя.

Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве, но нельзя восстановить здание как «документ», как «свидетеля» эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности. Это будет только «видимость». От умерших остаются только портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных обстоятельствах «новоделы» имеют смысл, и со временем они сами становятся «документами» эпохи, той эпохи, когда они были созданы. Старое Место или улица Новый Свет в Варшаве навсегда останутся документами патриотизма польского народа в послевоенные годы.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со всей прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, могут нанести вред тому, что в земле еще не открыто, и тому, что на земле, уже служившее людям. Даже сами реставраторы, работающие иногда согласно своим собственным, недостаточно проверенным теориям или современным нам

представлениям о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Уничтожают памятники и градостроители, особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний.

На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые, а потому и кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроительства.

Градостроителям, как никому иному, нужны знания в области экологии культуры. Поэтому краеведение должно развиваться, оно должно распространяться и преподаваться, чтобы на его основе решать местные экологические проблемы. Первое время после 1917 года краеведение переживало бурный расцвет, но позднее ослабло. Многие краеведческие музеи были закрыты. Однако сейчас интерес к краеведению вспыхнул с особой силой. Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах.

Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и «это их дело», не наше. Мы сами должны быть интеллигентны, культурны, воспитанны, понимать красоту и быть добрыми — именно добрыми и благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать.

Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда». Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

ПИСЬМО СОРОК ВТОРОЕ

Уметь заметить красоту наших городов и сел

Наблюдая красоту, мы всегда как-то воссоздаем идеальный образ произведения. Античные статуи часто доходят до нас в изуродованном временем виде, но мы умеем увидеть в них тот идеальный образ, который когда-то был в них вложен творцом.

Но и зритель, слушатель, читатель — тоже всегда творец. Восприятие художественного произведения — всегда сотворчество.

Зритель не просто смотрит картину — он ее познает, догадывается, проникает в суть замысла художника. Слушателю музыкального произведения всегда «легче» слушать его во второй и третий раз, чтобы иметь возможность предугадывать развитие музыкального замысла композитора.

Если нет единого творца — как, например, в фольклоре, — все равно существует некий идеальный образ, который воплощался в коллективном произведении многими творцами.

Самое трудное — заметить этот идеальный образ в облике города и села. Если нет этого идеального

образа в какой-либо местности, то нет и красоты. Иногда образ города воплощался многими столетиями, впитывая в себя и национальные идеалы красоты, и понимание строителями особенностей местности, которые могут быть художественно связаны с воздвигаемыми сооружениями. В городе сказывается и то, как осознается роль и значение города. В городе и селе воплощаются черты характера, эстетических воззрений их строителей. Один архитектор может быть агрессивен, может стремиться занять собственным произведением лучшее место, сделать его наиболее заметным, «громким», помпезным. Другой архитектор может быть более социален, с уважением относиться к окружающей застройке и природе. Третий архитектор может оказаться «многоречив», даже болтлив, стремясь вложить в свое произведение как можно больше. Четвертый архитектор будет социален, скромнен, будет стремиться согласовывать свою постройку с традицией местности, обычаями и привычками жителей, будет добиваться уюта, приветливости своих творений... Конечно, и пышность, и традиционность, и уют, и приветливость в каждом случае свои, особые, поэтому-то и «идеальных образов» городов много. Хуже всего, если архитектор, строя новое здание, не сумел уловить «образа красоты» окружающей местности, если он черпает свои архитектурные идеи из иностранных архитектурных журналов, механически пересаживает в свой город здания «красивые вообще». Тогда получается город без образа, то есть безобразный... и даже безобразный.

В России и на Украине, как известно, почти все реки имеют один берег крутой, другой — низкий. Города строились в древности по большей части на одном

берегу широких рек — крутом. Река и гора защищали город. Вместе с тем река была важным путем сообщения. Так построен Киев на крутом берегу Днепра, по которому проходил важнейший европейский путь с севера Европы на юг — путь «из варяг в греки». Река «проплывала» мимо города. Город царил над движущейся рекой, и из его центра были видны заливные луга и леса до горизонта... Так расположен не только Киев, но и Ярославль над Волгой, Владимир над Клязьмой, Новгород-Северский над Десной, Путивль над Сеймом и многие-многие древние города.

Совсем по-особому целое тысячелетие строился Новгород Великий. Он строился по берегам Волхова — берегам низким. В этом его отличие от большинства других русских городов. В древнерусских городах было тесно, но из города были всегда видны столь любимые в Древней Руси широкие просторы. Это ощущение широкого пространства вокруг своих жилищ было характерно и для древнего Новгорода, хотя стоял он на низких берегах Волхова, а не на крутом берегу.

Новгород стоит у полноводных истоков Волхова, широко и мощно вытекающих из Ильменя. Из центра города было хорошо видно Ильмень-озеро. В новгородской повести XVI века «Видение пономаря Тарасия» описывается, как Тарасий забирается на верх Хутынского собора и видит оттуда озеро, как бы стоящее над городом, готовое пролиться и затопить Новгород. Перед Великой Отечественной войной, пока еще цел был собор, я проверял это ощущение: оно действительно очень острое и могло повести к созданию легенды о том, что Ильмень грозил собой потопить город. Но Ильмень виден не только с кровли

Хутынского собора, но и прямо из центра города — от ворот Детинца, выходящих на Волхов. В былине о Садко поется, как Садко становится в Новгороде «под башню проезжую», кланяется Ильменю и передает поклон от Волги-реки «славному Ильмень-озеру».

Следовательно, вид на Ильмень из Детинца не только замечался древними новгородцами, но и ценился. Он «включен» в былинку.

Ученые обратили внимание на «Закон градский», известный на Руси начиная с XIII века по крайней мере. Этот «Закон градский» восходит еще к античному градостроительному законодательству, включающему четыре статьи: «О виде на местность, который представляется из дома», «Относительно видов на сады», «Относительно общественных памятников», «О виде на горы и море».

«Согласно этому закону, — писала исследователь Г. В. Алферова, — каждый живущий в городе может не допустить строительства на соседнем участке, если новый дом нарушит взаимосвязи наличных жилых сооружений с природой, морем, садами, общественными постройками и памятниками. Византийский закон апопсии („вид, открывающийся от здания“) ярко отразился в русском архитектурном законодательстве „Кормчих книг“...» В первую очередь внимание закона обращено на взаимосвязь построек города друг с другом и с природой. Иначе говоря, закон апопсии поставлен во главу угла не только в византийском законодательстве, но и в русском.

Русское законодательство начинается с философского рассуждения о том, что каждый новый дом в городе влияет на облик города в целом. «Новое дело творит некто, когда хочет или разрушить, или изме-

нить прежний вид». Поэтому новое строительство или перестройка существующих ветхих домов должны производиться с разрешения местных властей города и согласовываться с соседями: в § 4 закона запрещается лицу, обновляющему старый, ветхий двор, изменять его первоначальный вид, так как если будет надстроен или расширен старый дом, то он может отнять свет и лишить вида («прозора») соседей.

Особенное внимание в русском градостроительном законодательстве обращается на открывающиеся из домов и города виды на природу.

Связь Новгорода с окружающими землями не ограничивалась только видами — она была живой и реальной. Концы Новгорода, его районы, подчиняли себе окружающую местность административно. Прямо от пяти концов (районов) Новгорода веером расходились на огромное пространство, подчиненное Новгороду, новгородские пятины — области. Новгород со всех сторон был окружен полями, по горизонту вокруг Новгорода шел «хоровод церквей», которые частично сохранились еще и по сей день. Один из наиболее ценных памятников древнерусского градостроительного искусства — это существующее еще и сейчас и примыкающее к Торговой стороне Новгорода Красное (то есть красивое) поле. По горизонту этого поля, как ожерелье, виднелись на равных расстояниях друг от друга церкви: Георгиевский собор Юрьева монастыря, церковь Благовещения на Городце, Нередица, Андрей на Ситке, Кириллов монастырь, Ковалево, Волотово, Хутынъ. Ни одно строение, ни одно дерево не мешало видеть этот роскошный венец, которым окружил себя Новгород по горизонту, создавая незабываемый образ освоенной, обжитой страны — простора и уюта одновременно.

Долг современных градостроителей перед русской культурой — не разрушать этот идеальный строй Новгорода, а поддерживать его и творчески развивать. Новые центры старых городов должны строиться вне старых, а старые должны поддерживаться в своих наиболее ценных градостроительных принципах. Эти градостроительные принципы были, и их не следует разрушать. Архитекторы, строящие в старых городах, должны знать историю «своих» городов и чувствовать их красоту.

Как будет прекрасно, когда в Орле — в этом «городе русской литературы», городе Тургенева, Лескова, Бунина, Фета, Леонида Андреева и многих-многих других русских писателей — устроится заповедная зона и бережно сохранятся чудные маленькие дома с садами, мощенные булыжником улицы. Как были бы счастливы люди будущих веков увидеть собственными глазами живую «эпоху великого русского реализма», погулять в ней, явно представить себе места действия произведений!

А как все-таки строить, если строить нужно рядом со старыми зданиями? Единого метода не может быть предложено, но, во всяком случае, новые здания не должны заслонять собой старые исторические памятники, как это случилось в Новгороде (церковь Климента на Иворове улице и церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице) и в Пскове (церковь Сергия с Залужья против гостиницы «Октябрьская» или громадное здание кинотеатра вплотную к кремлю). Невозможна также никакая стилизация. Стилизуя, мы убиваем старые памятники, мы делаем их трудно отличимыми от новых, а иногда невольно пародируем подлинную красоту.

Если необходимо строить среди старых домов, то новый дом должен быть «социален», он должен сохранять вид современного здания, но не конкурировать со старой застройкой ни по высоте, ни по своим прочим архитектурным модулям. Должен сохраняться тот же ритм окон, этажей, должна быть согласована окраска.

Есть, впрочем, случаи необходимости «достройки» ансамблей. Так, например, на мой взгляд, удачно закончена застройка Росси на площади Искусств в Петербурге домом на Инженерной улице, выдержанным в тех же архитектурных формах, что и вся площадь. В данном случае перед нами не стилизация, ибо дом в точности совпадает с другими домами площади. Есть смысл в Петербурге так же точно закончить и другую площадь, начатую, но не завершенную Росси, — площадь Ломоносова. В дом Росси на площади Ломоносова «врезан» доходный дом XIX века.

Вообще же следует сказать, что петербургские дома второй половины XIX века, которые принято брать за безвкусию, обладают той особенностью, что не так уж резко контрастируют с домами великих архитекторов. Архитектура второй половины XIX века, при всех ее недостатках, социальна. Взгляните на Невский проспект: дома второй половины XIX века не портят его, хотя их и очень много на участке от Фонтанки до Московского вокзала. Но попробуйте заменить их новыми домами в современном стиле, и весь Невский проспект, на всем его протяжении, будет безнадежно испорчен. То же, впрочем, случится, если эту «неинтересную» часть Невского стилизовать под ту, что лучше сохраняет старую застройку XVIII и первой половины XIX века — от Адмиралтейства до Фонтанки. В Ярославле непременно надо

сохранять рядовые дома XIX века, иначе получится, что Древняя Русь и Россия XVIII и XIX веков окажутся представленными главным образом церквями. Однако между настоящим и прошлым должны существовать связующие элементы, чтобы город во всей своей исторической данности воспринимался как единое целое. Необходимы архитектурные переходы. Ими обычно и служит рядовая застройка.

Культурное прошлое нашей страны должно быть понято не в своих частях, а в своем целом. Необходимо не только сохранять отдельные здания или отдельные пейзажи и ландшафты, но сохранять самый характер и природный ландшафт. А это значит, что новое строительство должно меньше противостоять старому, чтобы оно с ним гармонировало, чтобы сохранялись бытовые навыки народа (это ведь тоже «культура») в своих наилучших проявлениях. Чувство плеча, чувство ансамбля и чувство эстетических идеалов народа — вот чем должен обладать и градостроитель, и в особенности строитель сел. Архитектура должна быть социальной.

ПИСЬМО СОРОК ТРЕТЬЕ

Еще о памятниках прошлого

Позволю себе начать это письмо с некоторых впечатлений.

Вот одно из них. В сентябре 1978 года я был на Бородинском поле вместе с замечательнейшим энтузиастом своего дела — реставратором Николаем Ивановичем Ивановым. Обращали ли вы внимание на то, какие преданные своему делу люди встречаются именно среди реставраторов и музейных работников?

Они лелеют вещи, и вещи платят им за это любовью. Вещи, памятники дарят своим хранителям любовь к себе, привязанность, благородную преданность культуре, а затем вкус и понимание искусства, понимание прошлого, проникновенное влечение к людям, их создавшим. Настоящая любовь к людям ли, к памятникам ли никогда не остается без ответа. Потому-то люди находят друг друга, а ухоженная людьми земля находит любящих ее людей и сама отвечает им тем же.

Именно такой, внутренне богатый, человек и был со мной на Бородинском поле. Пятнадцать лет Николай Иванович не уходил в отпуск: он не может отдыхать вне Бородинского поля. Он живет несколькими днями Бородинской битвы и днями, которые предшествовали битве. Поле Бородина имеет колоссальное воспитательное значение.

Я ненавижу войну. Я перенес ленинградскую блокаду, обстрелы мирных жителей фашистами с позиций на Дудергофских высотах. Я был очевидцем героизма, с каким защищали наши люди свою Родину, с какой непостижимой стойкостью сопротивлялись врагу. Может быть, поэтому Бородинская битва, всегда поражавшая меня своей нравственной силой, обрела для меня новый смысл. Русские солдаты отбили на батарее Раевского восемь ожесточеннейших атак, следовавших одна за другой с неслыханным упорством.

Под конец солдаты обеих армий сражались в полной тьме, на ощупь. Нравственная сила русских была удесятерена необходимостью защитить Москву. И мы с Николаем Ивановичем обнажили головы перед памятниками героям, воздвигнутыми на Бородинском поле благодарными потомками...

В юности я приехал впервые в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке (1696–1699). Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев. Не было «архитектурных масс». Ее легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном. Ее нельзя себе представить по сохранившимся фотографиям и рисункам, ее надо было видеть в окружении низких обыденных зданий. Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученного мной тогда. По инициативе А. В. Луначарского соседний с ней переулок был назван по фамилии ее строителя, крепостного крестьянина, — Потаповским. Но вот пришли люди и снесли церковь. Теперь на этом месте пустырь...

Кто же эти люди, уничтожающие живое прошлое — прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает? Иногда это сами архитекторы — из тех, которым очень хочется поставить свое «творение» на выигрышном месте и лень подумать о другом. Иногда же это совсем случайные люди, а в этом уже виноваты мы все. Мы должны подумать о том, чтобы подобное не повторилось. Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто, и через двести лет.

Исторические города населяют не только те, кто в них сейчас живет. Их населяют великие люди прошлого, память о которых не может умереть. В каналах Петербурга отразились Пушкин и Достоевский с персонажами его «Белых ночей».

Историческую атмосферу наших городов нельзя зафиксировать никакими фотографиями, репродукциями и макетами. Эту атмосферу можно выявить, подчеркнуть реконструкциями, но можно и легко уничтожить — уничтожить бесследно. Она невозможна. Надо хранить наше прошлое: оно имеет самое действенное воспитательное значение. Оно воспитывает чувство ответственности перед Родиной. Вот что мне рассказал петрозаводский архитектор В. П. Орфинский, автор многих книг по народной архитектуре Карелии. 25 мая 1971 года в Медвежьегорском районе сгорела уникальная часовня начала XVII века в деревне Пелкула — памятник архитектуры государственного значения. И никто даже не стал выяснять обстоятельства дела.

В 1975 году сгорел еще один памятник архитектуры государственного значения — Вознесенская церковь в деревне Типиницы Медвежьегорского района — один из интереснейших шатровых храмов Русского Севера. Причина — молния, но истинная первопричина — безответственность и халатность: высотные шатровые столпы Вознесенской церкви и сблокированной с ней колокольни не имели элементарной грозозащиты.

Упал шатер Рождественской церкви XVIII века в селе Бестужево Устьянского района Архангельской области — ценнейший памятник шатрового зодчества, последний элемент ансамбля, очень точно поставленного в излучине реки Устья. Причина — полнейшая безнадзорность.

А вот факт по Белоруссии. В селе Достоево, откуда происходили предки Достоевского, была небольшая церковь XVIII века. Она не состояла на государственной охране, но она была очень типичной для

белорусской сельской архитектуры XVIII века. Архитектор Т. В. Габрус с другими специалистами делали обмеры этой церкви. Как только архитекторы уехали, местные власти, чтобы избавиться от ответственности, боясь, что памятник включат в разряд охраняемых, приказали снести церковь бульдозерами. От нее остались только обмеры и фотографии. Произошло это в 1976 году.

Таких фактов можно было бы собрать множество. Что же делать, чтобы они не повторялись? Прежде всего о них не следует забывать, делать вид, что их не было. Недостаточно и запрещений, инструкций и досок с указанием: «Охраняется государством». Надо, чтобы факты хулиганского или безответственного отношения к культурному наследию неукоснительно разбирались в судах и виновных строго наказывали. Но и этого мало. Совершенно необходимо уже в средней школе изучать краеведение, заниматься в кружках по истории и природе своего края. И наконец, самое главное — в программах по преподаванию истории в средней школе необходимо предусмотреть уроки по местной истории.

Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — и любовь к своему городу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей. Вот почему преподавание истории в школе должно быть конкретным — на памятниках истории, культуры, героического прошлого.

К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать — воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость. А для всего этого необходимо развивать науку — экологию культуры. Не только природная среда, но и культурная среда, среда памятников культуры и ее

воздействие на человека должны подвергаться тщательному научному изучению.

Не будет корней в родной местности, в родной стране — будет много людей, похожих на степное растение перекаати-поле.

ПИСЬМО СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ

Об искусстве слова и филологии

До сих пор я говорил о красоте природы, красоте городов и сел, садов и парков, о красоте зримых памятников искусства. Но искусство слова — самое сложное, требующее от человека наибольшей внутренней культуры, филологических знаний и филологического опыта.

В задачу этого письма не входит рассмотрение того, что такое филология. Это нельзя сделать ни простым определением, ни коротким описанием. Перевести это греческое по происхождению слово можно так — «любовь к слову». Но в действительности филология — шире. В разное время под филологией понимались разные области культуры: именно культуры, а не только науки. Поэтому ответ на вопрос о том, что такое филология, может быть дан только путем детального, кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса по крайней мере, когда филология заняла очень существенное место в культуре гуманистов (возникла она значительно раньше).

Сейчас время от времени вопрос о необходимости «возвращения к филологии» поднимается вновь и вновь.

Существует представление о том, что науки, развиваясь, дифференцируются. Кажется поэтому, что

разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие лингвистика и литературоведение, — дело неизбежное и, в сущности, хорошее. Это глубокое заблуждение.

Количество наук действительно возрастает, но появление новых идет не только за счет их дифференциации и «специализации», но и за счет возникновения связующих дисциплин. Сливаются физика и химия, образуя ряд промежуточных дисциплин, с соседними и несоседними науками вступает в связь математика, происходит «математизация» многих наук. И замечательно: продвижение наших знаний о мире происходит именно в промежутках между «традиционными» науками.

Роль филологии — именно связующая, а поэтому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения. По самой своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по истории языков, но и знаний реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т. п.

Приведу примеры того, как важно филологическое понимание значения слов. Новое значение возникает из сочетания слов, а иногда и из их простого повторения. Вот несколько строк из стихотворения «В гостях» хорошего русского поэта, и притом простого, доступного, — Н. Рубцова:

И все торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тетки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...

Если бы не было в этой строфе двух последних строк, то и повторения «торчит», «торчат» не были бы полны смысла. Но объяснить эту магию слов может только филолог...

Дело в том, что литература — это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой «легкости» от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов — а только они рождают в тексте ассоциации — выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в литературе преодолеваются обычные, из словаря, значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших исторических словарях русского языка.

Поэзия и хорошая проза ассоциативны по своей природе. И филология толкует не только значения слов, а и художественное значение всего текста. Совершенно ясно, что нельзя заниматься литературой, не будучи хоть немного лингвистом, нельзя быть

текстологом, не вдаваясь в потаенный смысл текста, всего текста, а не только отдельных слов текста.

Слова в поэзии означают больше, чем они называют, «знаками» чего они являются. Эти слова всегда наличествуют в поэзии — тогда ли, когда они входят в метафору, в символ или сами ими являются, тогда ли, когда они связаны с реалиями, требующими от читателей некоторых знаний, тогда ли, когда они сопряжены с историческими ассоциациями.

Исследователь творчества поэта О. Мандельштама приводит следующий пример из его стихотворения о театре Расина:

...Я не услышу обращенный к рампе
Двойною рифмой оперенный стих... —

и пишет по поводу этих двух строк: «Для правильной работы ассоциаций читатель здесь должен знать о парной рифмовке александрийского стиха, о том, что актеры классического театра произносили свои монологи, обращаясь не к партнеру, а к публике, в зал („к рампе“»).

Для большинства современных читателей и даже поклонников поэзии О. Мандельштама эти две строчки из его поэзии оставались бы совершенно непонятными, если бы на помощь ему не приходил филолог — именно филолог, ибо сообщить читателю одновременно сведения об александрийском стихе и о манере актерской игры на классической сцене может только филолог. Филология — это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук.

Можно было бы на десятках примеров показать, как страдает историческое источниковедение тогда, когда историки превратно толкуют тексты, обнаружив-

вают свое незнание не только истории языка, но и истории культуры. Следовательно, филология нужна и им.

Поэтому не должно представлять себе, что филология связана по преимуществу с лингвистическим пониманием текста. Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни соответствующей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом. Слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура.

Чем шире круг эпох, круг национальных культур, которые входят ныне в сферу образованности, тем нужнее филология. Когда-то филология была ограничена главным образом знанием классической древности, теперь она охватывает все страны и все времена. Тем нужнее она сейчас, тем она «труднее», и тем реже можно найти сейчас настоящего филолога. Однако каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом. Этого требует культура.

Культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве времени», а путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые (если «старые» действительно настоящие), а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня.

Поэтому ноша культурных ценностей — ноша особого рода. Она не утяжеляет наш шаг вперед, а облегчает. Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур — культур, удаленных от нас во времени и в пространстве. Каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека «своей культурой» — своей глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с познанием чужого. Преодоление всяческих расстояний — это не только задача современной техники и точных наук, но и задача филологии в широком смысле этого слова. При этом филология в равной степени преодолевает расстояние в пространстве и во времени (изучая словесную культуру прошлого). Филология сближает человечество и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий; не путем уничтожения индивидуальности культур, а на основе выявления этих различий, их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам.

Вы можете спросить меня: что же, я призываю всех быть филологами, стать всем специалистами в области гуманитарных наук? Быть специалистами, профессионалами-гуманитариями я не призываю. Разумеется, нужны все профессии, и эти профессии

должны быть равномерно и целесообразно распределены в обществе. Но... каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспмятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. Читайте художественную литературу и понимайте ее, читайте книги по истории и любите прошлое человечества, читайте книги о путешествиях, мемуары, читайте литературу по искусству, посещайте музеи, путешествуйте со смыслом и будьте душевно богаты.

Да, будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее.

ПИСЬМО СОРОК ПЯТОЕ

Космический эрмитаж

Когда-то, примерно десятка три лет назад, мне пришел в голову такой образ: Земля — наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве. Потом я обнаружил, что этот образ одновременно пришел независимо от меня в голову десяткам публицистов. Он настолько очевиден, что уже рождается избитым, шаблонным, хотя от этого и не теряет своей силы и убедительности.

Дом наш! Но ведь Земля — дом миллиардов и миллиардов людей, живших до нас! Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание

сотен тысяч музеев, сотен тысяч произведений гениев (ах, если бы примерно сосчитать, сколько было на земле только одних всеми признанных гениев!). И не только произведений гениев! Сколько обычаев, милых традиций. Сколько всего накоплено, сохранено. Сколько возможностей. Земля вся засыпана бриллиантами, а под ними сколько алмазов, которые еще ждут, что их огранят, сделают бриллиантами. Это нечто невообразимое по ценности.

И самое главное: второй другой жизни во Вселенной нет! Это можно легко доказать математически. Нужно было сойтись миллионам условий, чтобы создать человеческую культуру.

И что там перед этой невероятной ценностью все наши национальные амбиции, ссоры, месть личная и государственная («ответные акции»)!

Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве!

ПИСЬМО СОРОК ШЕСТОЕ

О религии

Религия — это не просто то или иное философское учение, мировоззрение. Многие думают так: «Я признаю существование Бога — значит, я верующий, религиозный». Или так: «Я признаю никейский Символ веры — следовательно, я православный». Нет, быть верующим — значит выполнять определенные требования вероучения, вести определенный образ жизни, в согласии с другими верующими и жизнью Церкви. В религиозном духе воспитываются с детства. Жить в соответствии со своей религией стремятся всей семьей. Привыкнуть к религиозной жизни уже взрослому трудно, хотя и возможно. Также

важно, что определенные народы связаны с определенными же религиями: русские — с православием (и староверы, и «нововеры»), поляки — с католицизмом, многие восточные народы — с исламом или буддизмом.

Не сковывает ли это свободу людей в выборе религии, свободу вообще? Нет, так как отказаться от религии легче, чем войти в большую семью верующих. Перейти из одной религии в другую легче, чем стать неверующему религиозным. Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определенных религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности.

Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах.

ПИСЬМО СОРОК СЕДЬМОЕ

Пути доброты

Вот и последнее письмо. Мне жаль, писем могло бы быть и больше, но пора подвести итоги.

Читатель заметил, как постепенно усложнялись темы писем. Мы шли с читателем, поднимаясь по лестнице. Иначе и быть не могло: зачем тогда и писать, если оставаться на том же уровне, не восходя

постепенно по ступеням опыта — опыта нравственного и эстетического. Жизнь требует усложнений.

Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не так. В письмах я не только «учил», но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я «наставлялся» сам. Мы поднимались с читателем вместе по ступеням опыта, не моего только опыта, но опыта многих людей. Писать письма мне помогали сами читатели — они со мной беседовали неслышно.

Что же самое главное в жизни? Главным может быть у каждого что-то свое собственное, неповторимое. Но все же главное должно быть у каждого человека. Жизнь не должна рассыпаться на мелочи, растворяться в каждодневных заботах.

И еще, самое существенное: главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным.

Человек должен уметь не просто подниматься, но подниматься над самим собой, над своими личными повседневными заботами и думать о смысле своей жизни — оглядывать прошлое и заглядывать в будущее.

Если жить только для себя, своими мелкими заботами о собственном благополучии, то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сэкономят то, чему служил, чему отдавал силы.

Заметил ли читатель, что все дурное и мелкое в жизни быстро забывается? Людями еще владеет до-

сада на дурного и эгоистичного человека, на сделанное им плохое, но самого человека уже не помнят, он стерся в памяти. Люди, ни о ком не заботящиеся, как бы выпадают из памяти. А люди, служившие другим, служившие по-умному, имевшие в жизни добрую и значительную цель, запоминаются надолго. Помнят их слова, поступки, их облик, их шутки, а иногда чудачества. О них рассказывают. Гораздо реже и, разумеется, с недобрим чувством говорят о злых.

В жизни надо иметь свое предназначение — служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен.

В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта — самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью.

Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе. Это «неразменный рубль».

Знать это, помнить об этом всегда и следовать путями доброты — очень и очень важно. Поверьте мне!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Письма к молодым читателям</i>	5
Письмо первое. Большое в малом	7
Письмо второе. Молодость — вся жизнь	8
Письмо третье. Самое большое	9
Письмо четвертое. Самая большая ценность — жизнь	11
Письмо пятое. В чем смысл жизни	13
Письмо шестое. Цель и самооценка	15
Письмо седьмое. Что объединяет людей	17
Письмо восьмое. Быть веселым, но не быть смешным	19
Письмо девятое. Когда следует обижаться?	23
Письмо десятое. Честь истинная и ложная	24
Письмо одиннадцатое. Про карьеризм	25
Письмо двенадцатое. Человек должен быть интеллигентен	25
Письмо тринадцатое. О воспитанности	29
Письмо четырнадцатое. О дурных и хороших влияниях ...	32
Письмо пятнадцатое. Про зависть	33
Письмо шестнадцатое. О жадности	34
Письмо семнадцатое. Уметь спорить с достоинством	35
Письмо восемнадцатое. Искусство ошибаться	38
Письмо девятнадцатое. Как говорить?	39
Письмо двадцатое. Как выступить?	42
Письмо двадцать первое. Как писать?	43
Письмо двадцать второе. Любите читать!	53
Письмо двадцать третье. О личных библиотеках	57
Письмо двадцать четвертое. Будем счастливыми	58
Письмо двадцать пятое. По велению совести	59
Письмо двадцать шестое. Учитесь учиться!	61
Письмо двадцать седьмое. Четвертое измерение	63

Письмо двадцать восьмое. Быть вместе	64
Письмо двадцать девятое. Путешествуйте!	65
Письмо тридцатое. Нравственные вершины и отношение к ним	70
Письмо тридцать первое. Круг «нравственной оседлости»	71
Письмо тридцать второе. Понимать искусство	73
Письмо тридцать третье. О человеческом в искусстве	85
Письмо тридцать четвертое. О русской природе	88
Письмо тридцать пятое. О русской пейзажной живописи	96
Письмо тридцать шестое. Природа других стран	99
Письмо тридцать седьмое. Ансамбли памятников искусства	109
Письмо тридцать восьмое. Сады и парки	111
Письмо тридцать девятое. Природа России и Пушкин	118
Письмо сороковое. О памяти	124
Письмо сорок первое. Память культуры	129
Письмо сорок второе. Уметь заметить красоту наших городов и сел	135
Письмо сорок третье. Еще о памятниках прошлого	142
Письмо сорок четвертое. Об искусстве слова и филологии	147
Письмо сорок пятое. Космический эрмитаж	153
Письмо сорок шестое. О религии	154
Письмо сорок седьмое. Путиами доброты	155

Литературно-художественное издание

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ
ПИСЬМА О ДОБРОМ

Ответственный редактор Татьяна Фролова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валентина Гончар, Анна Быстрова
Верстка Владимира Сергеева

Подписано в печать 09.07.2013. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 7,07.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел: (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс: (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Сайты в интернете: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

KVAK1296902R